

Троцкий
вопросы
культурной
работы

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА

ЕН 171
В 421

517
12-10

Л. ТРОЦКИЙ

**ВОПРОСЫ
КУЛЬТУРНОЙ
РАБОТЫ**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Л. ТРОЦКИЙ

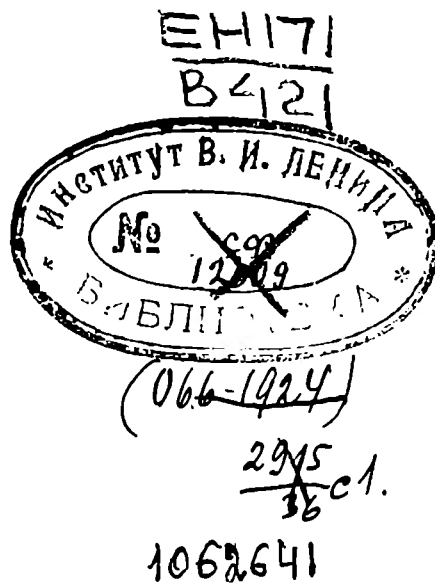
X

ЕН 171:
В 421

В О П Р О С Ы
КУЛЬТУРНОЙ РАБОТЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

ПАМЯТИ

Михаила Соломоновича

ГЛАЗМАНА

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр
Предисловие.	7
К первому всероссийскому съезду научных работников	9
Задачи военной печати.	20
Рабкор и его культурная роль.	44
Несколько слов о воспитании человека.	77
Ленинизм и библиотечная работа.	89
Ленинизм и рабочие клубы.	118
Еще о рабочих клубах	164

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая брошюра составлена из речей и статей—главным образом речей, — посвященных вопросам так называемого культурного фронта. Далеко не все вопросы этого порядка нашли здесь отражение. Затронутые вопросы ни в каком смысле не исчерпаны. Но если что оправдывает издание настоящего сборника, так это единство точки зрения. Мы подходим к задачам нашей революционно-культурной работы не с абстракцией „пролетарской культуры“, в каковой абстракции сочетаются: кружковой идеализм, неправильные исторические аналогии и всякая иная отсебятина. Для нас вопрос идет о поднятии культурного уровня рабочих и крестьянских масс в условиях диктатуры пролетариата и в целях создания социалистического общества. Это партийно-классовый, государственно-общественный, материалистический подход в противовес кустарно-идеалистическим домыслам и вымыслам.

Возникла эта книжка по инициативе моего ближайшего сотрудника, ныне уже покойного, М. С. Глазмана, который и наметил основное содержание настоящего сборника. Памяти этого незабвенного товарища, погибшего революционера и подлинно-культурного работника я посвящаю „Вопросы культурной работы“.

Л. Троцкий.

20 сентября 1924 г.

К ПЕРВОМУ ВСЕРОССИЙСКОМУ СЪЕЗДУ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ.

Я чрезвычайно огорчен, что временная болезнь грозит помешать мне выполнить свое обязательство и выступить с докладом на съезде научных работников. Вопросы, стоящие в порядке дня съезда, представляют огромный интерес. Но еще бо́льший интерес—позволяю я себе сказать—представляет самый факт съезда, который должен, по своему объективному смыслу, облегчить и ускорить пригонку научной мысли к тем неизмеримым и неисчерпаемым задачам новой общест-венности, которые поставлены перед нами нашей исторической судьбой. Употребленное только что выражение о „пригонке“ научной мысли к новым задачам может кое у кого породить опасения по части создания кривой науки нового, советского образца. Этого я ни в каком случае не имел в виду,—не имел и не мог иметь. Пролетариат нуждается в такой науке, и только в такой, которая правильно постигает объективный мир в его материальности и в его динамичности. Только пережившие себя классы вынуждены ставить науке цели, несовместимые с ее внутренней природой. Трудящимся классам не нужна пригонка законов науки к заранее сформулированным тезисам. Но нам всем очень и очень нужна новая ориентировка

деятелей науки, пригонка их внимания, интересов, их усилий к задачам и потребностям новой общественности.

Эти задачи грандиозны. С одной стороны потому, что мы—ужасающе отсталая страна, а с другой стороны потому, что борьбу с нашей отсталостью мы ведем не в рамках интересов привилегированного меньшинства, но во имя материального и духовного подъема всего народа, со включением самых тяжелых и отсталых крестьянских его пластов. Каковы же основания для наших надежд на победу?

Первое основание то, что в народных массах пробудились критика и активность. Через революцию народ наш открыл себе окно в Европу—понимая под „Европой“ культуру,—как 200 с лишним лет перед тем петровская Россия открыла не окно, а оконце в Европу для верхушки дворянско-чиновничьей государственности. Те пассивные качества кротости и смирения, которые объявлялись казенными или добровольно юродствующими идеологами спедифическими, неизменными и священными качествами русского народа, а на деле были лишь выражением его рабской придавленности и культурной отрешенности, эти жалкие, постыдные качества получили смертельный удар в октябре 1917 г. Это не значит, конечно, что мы уже не несем в себе наследия прошлого. Несем и долго еще будем нести. Но великий перелом, не только материальный, но и психический, совершился. Никто уже не посмеет рекомендовать русскому народу строить свою судьбу на началах кротости, покорности и долготерпения. Нет, отныне добродетелями, все глубже входящими в народное сознание, являются: критика,

активность, коллективное творчество. И на это величайшее завоевание народного характера опирается, прежде всего, наша надежда на успех всей нашей работы.'

С этим переломом тесно связано другое обстоятельство. Кое-какие действительные или мнимые „духовные аристократы“ изволили тревожиться по поводу того, что пришествие к власти рабочего класса будет означать господство невежественной ограниченности или, еще откровеннее, самодовольного хамства. Суровый опыт этих шести лет, со всеми его плюсами и минусами, одно, во всяком случае, показал всем, кто умышленно не закрывает глаз: чем прочнее становится рабочее государство, тем острее и нетерпеливее трудящиеся массы осознают нашу техническую, научную, культурную отсталость, тем настойчивее стремятся преодолеть ее, создавая тем самым основную предпосылку для величайшего взмаха нашей научной мысли в более или менее близком будущем. Можно сказать, что рабочее государство—по крайней мере, в тех пределах, в каких его оставляют в покое—есть организованная борьба за культурность и культуру, а следовательно и за науку, как важнейший из рычагов культуры. Вот почему я думаю, что, несмотря на всю нашу нынешнюю отсталость, нет ничего утопического в постановке основной нашей цели—создания новой, социалистической культуры.

Социалистическое строительство есть, по самому существу своему, сознательное, плановое строительство, сочетающее—в небывалых ранее масштабах—технику, науку и продуманные общественные формы и методы их использования. В этом именно смысле я позволил себе сказать о пригонке научной работы к новым,

т.-е. социалистическим, задачам нашего общественного развития. Одним из способов этой пригонки является преодоление не только замкнутости науки вообще, но и цеховой разобщенности внутри самой науки. Без специализации научной мысли нет движения вперед; но есть пределы, где эта специализация начинает подкапываться под основной ствол науки. Уже в буржуазном строе непроницаемые переборки между отдельными научными дисциплинами нередко становились и ощущались, как барьеры на пути развития научной мысли в целом. Тем более это правильно в отношении социалистической общественности, которая все процессы своего строительства должна параллельно превращать в объекты научного наблюдения, руководства и контроля. Наши разнообразные хозяйственные кризисы являются в значительной мере результатом того, что мы еще не научились выполнять эту работу как следует быть. По мере того, как научная мысль будет правильно оценивать и взвешивать разные факторы (технические, экономические и т. д.) и тем создавать условия для их планового согласования, кризисы станут все более отходить в прошлое, расчищая арену для роста продуманной и внутренне согласованной социалистической экономики и культуры. И поскольку на настоящем съезде объединены представители разных родов научного оружия, постольку съезд сам по себе является чрезвычайно ценным фактом научной культуры, шагом на пути сочетания профессиональной специализации с синтетическим охватом всех процессов и задач нашей жизни и нашей работы.

Социалистическое строительство в целом можно охарактеризовать, как стремление рационализировать

человеческие отношения, т.-е. подчинить их разуму, вооруженному наукой. Все научные дисциплины родились из потребностей общественного человека и так или иначе обслуживают их. Социализм нуждается поэтому во всех науках. Но в то же время социализм, как творческое общественное движение, имеет свою теорию общественного развития, которая является самостоятельной наукой в ряду других наук и, смею думать, не последней по важности среди них. Если биология немыслима ныне вне дарвинизма, со всеми, конечно, его дальнейшими завоеваниями и поправками; если сейчас немыслима научная психология без теории и методологии условных рефлексов,—то в такой же мере немыслима сейчас общественная наука вне и без марксизма. Без этой теории немыслимо сейчас ни правильно понять и оценить наши собственные успехи и неудачи на новом пути, ни разобраться в том хаосе, какой представляет из себя теперь капиталистический мир.

Выдвигать эту мысль побуждает меня, в частности, вышедший не так давно сборник двадцатилетних работ нашего академика Павлова об условных рефлексах. Эта поистине замечательная книга не нуждается на съезде русской науки в рекомендации — особенно со стороны профана, каким в вопросах физиологии является автор настоящего письма. И если я упоминаю здесь о труде нашего глубокого ученого-мыслителя, то только потому, что чувствую себя вынужденным с той же решительностью, с какой готов следовать за И. П. Павловым шаг за шагом в его системе условных рефлексов, выступить против него в тот момент, когда он, правда, лишь мимоходом, пытается установить

взаимоотношение между вопросами физиологии и вопросами общественности. Академик Павлов считает, что только познание „механизма и законов человеческой натуры“—при помощи объективных, т.-е. чисто материалистических, методов—способно обеспечить „истинное, полное и прочное человеческое счастье“. Задача устройства человека на земле возлагается, таким образом, целиком на плечи психофизиологии. „Пусть ум празднует победу за победой над окружающей природой,—говорит И. П. Павлов,—пусть он завоевывает для человеческой жизни и деятельности не только всю твердую поверхность земли, но и водяные пучины ее, как и окружающее земной шар воздушное пространство, пусть он с легкостью переносит для своих многообразных целей грандиозную энергию с одного пункта земли на другой, пусть он уничтожает пространство для передачи его мысли, слова и т. д. и т. д.—и, однако же, тот же человек, с этим же его умом, направляемый какими-то темными силами, действующими в нем самом, причиняет сам себе неисчислимые материальные потери и невыразимые страдания войнами и революциями с их ужасами, воспроизводящими меж-животные отношения. Только последняя наука, точная наука о самом человеке—а вернейший подход к ней со стороны всемогущего естествознания—выведет его из теперешнего мрака и очистит его от теперешнего позора в сфере межлюдских отношений“.

Что жестокость, коварство, вероломство, насилие в сфере межлюдских отношений представляют собой позор, на этот счет не нам спорить с автором цитируемых строк. Но мы никак не можем согласиться

с тем, будто бы естествознание—могущественное, но отнюдь не „всемогущее“—способно, путем проникновения в законы человеческой натуры, изменить общественные отношения, очистив их от их теперешнего позора. Такая постановка вопроса, предполагающая, будто движущей причиной общественных отношений служат не объективные, материальные условия их развития, а дурные („темные“) свойства отдельного человека, является, по существу, идеалистической и, стало быть, в корне противоречит тем материалистическим методам, которые нашли свое гениальное применение и в теории условных рефлексов. Если принять за причину общественных явлений природу отдельного человека, как довольно устойчивую систему абсолютных и условных рефлексов, чем же определяются в таком случае изменения общественного строя, его закономерная эволюция и революционные скачки, как необходимые моменты этой эволюции? Суть в том, что общество, как объективно-обусловленное производственное сочетание людей, вовсе не живет по тем законам, по которым сочетаются рефлексy в организме отдельного человека. Разумеется, без потребностей человека в пище и пр. не было бы общественного производства. Но общественное производство регулируется отнюдь не теми физиологическими законами, которые определяют усвоение белка человеческим организмом. Общество управляется общественными законами, которые подлежат такому же объективному, т.-е. материалистическому, установлению, как и законы, управляющие работой слюнных желез собаки. Можно было бы неоспоримо доказать—и это очень интересная и важная методологическая задача,—что марксизм

по отношению к общественным явлениям занимает ту же позицию, что дарвинизм—по отношению к растительному и животному миру, а рефлексология—по отношению к психике. Проникновение в тайну условных рефлексов обогатит, без всякого сомнения, индивидуальную и общественную педагогику новыми могущественными средствами воздействия на человеческий характер. Но в каком направлении? В каких условиях? В каких целях? Это зависит целиком от общественной среды. Мы знаем, например, что психотехника, которая может получить серьезное обоснование только в рефлексологии, используется, и не без успеха, в военном деле, помогает производить отбор людей, индивидуальные особенности которых делают их более приспособленными к артиллерии, авиации или к химической войне. Другими словами, углубление наших познаний об индивидуальной человеческой природе позволяет лучше организовать дело истребления человека человеком, т.-е. то самое дело, которое мы все, вместе с И. П. Павловым, считаем величайшим позором нынешней человеческой культуры.

Физиология разделяет в этом отношении судьбу всех вообще естественных наук. Увеличивая мощь человека над природой, вооружая человека новыми техническими методами и средствами, естествознание делает тем самым человека более могущественным, а следовательно и более истребительным, в области борьбы между нациями и классами. Если бы трудящиеся согласились принять вывод, будто освобождение их придет через естествознание—без классовой борьбы и революции,—тогда, нет сомнения, буржуазия на известном уровне развития естественной науки

пустила бы в ход такие методы психотехники, которые укрепили бы в эксплуатируемых рефлексы покорности, а у эксплуататоров рефлексы властвования. Но, к счастью, законы общественного развития исключают возможность того, чтобы трудящиеся массы стали на путь наивного педагогического идеализма. Они пойдут и дальше к своему освобождению тем единственным путем, какой предопределен историей.

1062641
500
12019

Еще не так давно военное применение отравляющих веществ считалось недопустимым по так называемым нормам так называемого международного права. Это было в тот период, когда химия еще не могла предложить ничего серьезного по этой части. Мы знаем, однако, как радикально изменились воззрения насчет отравляющих газов в течение империалистской войны, особенно к концу ее. Химия принадлежит к тем наукам, которым предстоит сыграть первенствующую роль в процессе дальнейшего материального и духовного расцвета человеческой культуры. Но сейчас это нисколько не мешает ей, наряду с прокладыванием новых путей для сельского хозяйства и промышленности, т.-е. для дела поддержания человеческой жизни, из всех сил своих служить делу людского взаимоистребления. И если бы нам, гражданам Советского Союза, даже и удалось очистить себя самих поголовно от всякой скверны, этим мы еще не высвободили бы себя из того империалистического кольца, которое мы крепко чувствуем на всех наших границах, и нисколько не обезопасили бы себя от тех отравляющих веществ, которые фабрикуются химией на службе у буржуазии самых могущественных и цивилизованных стран.

Позор и трижды позор, что межлюдские отношения все еще разрешаются никкелированными кусочками свинца, динамитными взрывами и волнами отравляющих газов. Но до тех пор, пока эти методы господствуют в мире, который до сих пор строился не по нашему выбору и не по нашим чертежам, мы не хотим и не смеем быть безоружными, если верим в то великое дело, которое поручено исторической судьбой нашим поколениям. Рабочее государство, сказали мы выше, есть организованная борьба за культурность и культуру; но эту мирную борьбу оно может вести с твердой надеждой на успех только при неутомимой и беззаветной обороне своих рубежей. Как в области мирного строительства, так и в деле военной обороны трудящиеся массы нашей страны нуждаются в сотрудничестве науки. Если никакая из научных дисциплин не может выскочить из условий общественной организации; если естествознание служит не только покорению природы, но и взаимоистреблению людей, — пусть же советская наука, пусть советское естествознание, руководя планомерным использованием естественных богатств нашей страны, поможет нам в то же время охранять границы нашего строительства и нашей культурной работы от непримиримых и беспощадных врагов. Пусть советская химия даст нам газы и противогазы, которые отбили бы у цивилизованных хищников охоту покушаться на нашу независимость и наш труд.

Если я столь резко выделяю химию, то это потому, что жестокие средства химической войны все более выдвигаются на первый план, требуя величайшего внимания к себе с нашей стороны. Теоретическая и

практическая разработка вопросов химии, создание необходимой сети лабораторий и промышленных предприятий являются не только первостепенной задачей с точки зрения нашей промышленной деятельности, но и вопросом жизни и смерти,—я нимаю не преувеличиваю,—в сфере нашей обороны.

Но дело, конечно, не ограничивается химией. Для обороны нужна авиация, нужна сильная промышленность вообще, нужна мощная сеть железных дорог, нужна неутомимая разработка вопросов техники, нужна наука во всех ее разветвлениях и применениях. До тех пор, пока от позора войн не очищены межлюдские отношения; до тех пор, пока мы вынуждены кровью прокладывать и обеспечивать себе дорогу в будущее,—мы хотим и будем драться хорошо. И в этой области мы твердо надеемся на всестороннее содействие научной мысли, которая определила свою общественную ориентировку в сторону трудящихся масс и их рабочего государства.

Красная Армия и Красный Флот горячо приветствуют ваш съезд!

23 ноября 1923 г.

*«Правда» № 267,
24 ноября 1923 г.*

ЗАДАЧИ ВОЕННОЙ ПЕЧАТИ.

(Речь на съезде работников военной печати 10 мая 1924 г.)

Неряшливость в газете недопустима.

Товарищи, предметом обсуждения вашего съезда является военная печать. Военная газета есть прежде всего газета, а затем уже военная. Как газета, которой ничто газетное не должно быть чуждо, она должна быть хорошей газетой. Это первое и основное требование, которое мы к ней должны предъявить. Хорошая газета—это та, которая составляется не кое-как, не наспех, не неряшливо. Это очень важное условие. Есть предрассудок, который отражает нашу общую культурную отсталость, будто газета, являясь, так сказать, скоропреходящим произведением печати, может быть, в отличие от книги, небрежно и неряшливо составлена. Правда, у нас и книги составляются сплошь и рядом неряшливо и наспех. Но если выбирать между неряшливой книгой и неряшливой газетой, то я скорей бы уж примирился с неряшливой книгой, потому что книгу можно читать более медленно, обдумывая и мысленно поправляя опечатки; наконец, большие книги у нас, к несчастью, еще читаются не многими. Газета же есть основной инструмент политического и культурного воспитания широких масс. Орган воспитывающий должен отвечать

целям воспитания, а воспитывать в неряшливости никуда не годится. Я начну с маленьких примеров и заранее извиняюсь перед редакцией нашей „Красной Звезды“, если примеры эти возьму исключительно из двух номеров этой газеты. Этим я ни в коем случае не хочу сказать, что „Красная Звезда“ исключительно неряшливая газета. Нет, она средне-неряшливая газета. Извиняюсь перед всеми, если буду говорить о мелких вопросах, но ведь газета вся состоит из мелких вещей, из небольших статей, из мелких новостей, а на этом воспитываются новые свежие читатели. Я взял сотый и сто третий номера „Красной Звезды“, которые оказались у меня на столе, примерно, за час до настоящего заседания. Газеты у нас начинаются обычно таким аншлагом: „Сегодня в номере“, где и обращается внимание читателя на самое существенное. Возьмем сто третий номер; в аншлаге его мы читаем: „Наше берлинское торгпредство бойкотирует германскую торговлю“. Я затруднюсь сказать, — вы это сами лучше оцените, — все ли у нас не только красноармейцы, но все ли командиры не то что взводов, а полков, все ли политруки знают, что такое торгпредство. Сомневаюсь. Думаю, что лучше было бы сказать торговое представительство. Я не говорю уж об опечатках: во второй строке аншлага говорится, что представитель СССР выехал из Германии в „Москву“. Ну, уж без этого не обойдешься, на опечатке стоим. Дальше читаем: „Министерство иностранных дел предложило бывшему царскому послу очистить здание русского посольства“, но где, в какой стране, в каком царстве-государстве — неизвестно. Хорошо, что мы с вами архи-просвещенные политики

и знаем, что дело происходит в Лондоне. Но кто это читал уже в „Правде“ и в „Известиях“, не имеет нужды читать об этом вновь в „Красной Звезде“. „Красную Звезду“ будет читать преимущественно тот, кто не читал другой газеты, и он в таком заголовке ровно ничего не поймет. Возьмем аншлаг № 100. Читаем: „Германская полиция разгромила наше торговство в Берлине“. Какое представление возникнет здесь у неискушенного читателя? „Разгромила“ — значит взламывала двери, вышибала окна и пр. Крепкое слово иной раз не вредит, но нельзя такими словами вводить в заблуждение читателя о существе факта. Затем читаем: „Член английского парламента либерал Оней заявил, что СССР будет немедленно открыт кредит при условии признания старых долгов“. Кто этот либерал Оней, я не имею понятия; может быть, некоторые товарищи более счастливы и знают, кто он. Но это все равно. Один из умников английского парламента заявил, что мы получим кредит, когда уплатим долги, т.-е. то, что говорили тысячу раз буржуазные умники и не-умники. Но почему-то это выделяется в аншлаге „Красной Звезды“ в виде исключительно важной новости! А у рядового читателя нарушается политическая перспектива. Если составлять аншлаг, то нужно делать это очень внимательно и очень тщательно. Нужно вдумываться в психологию читателя, нужно понимать, что существенного случилось за сегодняшний день, чтобы кратко и сжато дать перечень важнейших событий. Если же поступать так, как я только что указал, то это значит вводить читателя в заблуждение, не облегчать, а затруднять его политическую ориентировку.

Что касается телеграмм, то я не раз уже говорил о том, что надо учиться обрабатывать материал телеграмм сообразно с уровнем и осведомленностью читателя. У нас почему-то считается, что агентство Роста и его корреспонденты имеют диктатуру над информацией, что они — законодатели стиля, что их телеграммы — это евангелие и что всякая газета обязана перепечатывать телеграммы в том виде, в каком их получила. Это грубейшее заблуждение. Ни одна хорошо поставленная газета так не поступает. Правда, богатые буржуазные газеты имеют собственных корреспондентов, которые приспосабливаются к уровню и вкусам своих читателей. Но даже и социал-демократические газеты всегда обрабатывали информационный материал, часто сокращали на три четверти текст телеграмм, а иногда развивали и дополняли. Телеграмма дает факт, — а ты умей сообщить его читателю. Приведу пример из того же номера газеты, чтобы не возникло подозрения, что я выбирал материал умышленно. Читаем: „Советско-германский конфликт. Берлин, 7-е. Заявление тов. Крестинского“. Узнаем-ка, прочитаем, что он, этот самый наш Крестинский, заявил: „Полномочный представитель СССР в Германии Крестинский передал германскому министру иностранных дел ноту, в которой подтверждает получение последней ноты германского правительства и подчеркивает, что полномочное представительство СССР сохраняет точку зрения, выраженную им в предшествовавших нотах“. (Смех.) Все как по нотам! (Смех.) На месте свежего, неискушенного читателя я бы второй телеграммы не стал читать, — ибо что же тут поучительного, если Крестинский сообщает Штреземану в ноте,

что он получил его ноту и остается на точке зрения прежних нот. Конечно, корреспондент Роста, сидящий в Берлине, знает, что вчера было в ноте, — он схватывает важные новости на-лету и посылает их по проволоке, но мы-то, получивши эти новости в Москве, должны уметь отсеять их, рассортировать и приспособить к читателю. Одна телеграмма дана утром, другая днем, третья ночью, настроение в посольстве и в политических кругах меняется, корреспондент это схватывает и дает пестрый материал, в котором трудно разобраться. Задача редакции свести это воедино, выкинуть пустяки, выделить основное, комментировать, а не просто преподнести в сыром виде. Через газету происходит главная учеба, через газету можно и должно не только информировать, осведомлять, но и давать известный запас сведений, повышать образовательный, политический, культурный уровень читателя. В чем слабость нашего массового читателя, в том числе и военного? В том, что у него нет опорных пунктов под ногами, он не знает важнейших фактов: исторических, географических, экономических, статистических и т. д. Задача редакций состоит в том, чтобы, не превращая газету в учебник, — ни в каком случае! — в каждой статье заложить небольшой фундамент сведений, фактов. Повторяя затем эти сведения, можно их закрепить в сознании читателя, и он себя станет чувствовать постепенно тверже и тверже при чтении газет. У нас же в общей прессе, и в нашей военной, политические статьи сплошь и рядом пишутся в форме полемической „переписки друзей между собой“. Можно обругать Макдональда (я сам по этой части грешил), тем более Пилсудского, — для этого

основания есть, — но нужно, чтобы читатель знал, за что. Это, однако, не всегда соблюдается. Если вы возьмете вот эту передовицу, то тот, кто знает, кто такой Войцеховский, какой он, партии, какую роль играет, тот, пожалуй, в этой дружеской полемике не ощущает большой нужды, а тот, кто не знает и нуждается в том, чтобы узнать, — тот, пожалуй, ничего не поймет. Критиковать, конечно, легче, чем писать, и я вполне готов признать, что это очень трудная штука — писать передовые статьи, которые бы, откликаясь на события сегодняшнего дня, в то же время заключали в себе необходимые элементы учебы, давали самые основные сведения — так, чтобы каждая статья немощко увеличивала багаж читателя, не отягощая его, не заставляя его чувствовать, что его „учат“. Это трудное дело, но надо ему учиться.

В качестве многих других, по моему, довольно дурных повадок военной прессы назову одну: у нас склоняются, и, пожалуй, все в возрастающей степени, к высокоуважаемым авторам: бегают за людьми, иногда очень занятыми, хватают их за фалды и требуют статьи для украшения номера. Это казенщина и худшего типа, обременительная для тех, кого заставляют писать, и обременительная для читателей, так как сплошь и рядом то, что пишется этими лицами, неудобоваримо. Нужно брать статью, как статью, а не потому, что она подписана таким-то звучным именем. То же самое и относительно интервью. У нас бескопечное количество интервью, иногда абсолютно бессодержательных. Интервью — вообще порядочная гадость, введенная буржуазно-парламентскими нравами. По обязанности мы вынуждены бываем иногда давать

интервью буржуазным корреспондентам. Это есть натуральный налог, центром взимания которого является Наркоминдел. Но если это есть неизбежное зло и если, например, „Известия“, в числе многих других официальных извещений, печатают такого рода интервью, то наша военная печать должна печатать только те из них, которые имеют явный интерес для читателей, но не загромождать газету этой казенщиной.

Равняться по молодняку!

В чем состоит архи-специфический характер нашей военной газеты, который будет обозначаться чем дальше, тем больше? Дело в том, что наши военные газеты обслуживают читателя, который каждые два года обновляется чуть не сплошь. Это, конечно, не касается „Красной Звезды“, которая должна будет обслуживать, главным образом, постоянный состав армии, тогда как окружные газеты будут обслуживать преимущественно переменный состав. Это есть естественное разделение труда. Разумеется, в дальнейшем, при повышении культурного уровня армии, „Красная Звезда“ должна будет стать доступной и переменному составу армии. Мы ей всячески в этом поможем. Но это, так сказать, вторая или даже третья глава ее развития, а сейчас, если бы ей добраться до взводного, а потом до отдельного командира, то это будет уже очень большой успех. Но за вычетом „Красной Звезды“, наши военные газеты рассчитаны прежде всего на переменный состав, а переменный состав потому так и называется, что он периодически обновляется. Вот мы уволили 1901 год, набираем

1902 год. Значит, мы набираем новый контингент читателей, и должны всю учебу начать с начала. У остальной прессы этого нет. Конечно, и там молодняк подрастает, но основные кадры читателей остаются, уровень читателя шаг за шагом повышается, молодой читатель незаметно втягивается, а у нас два года обрабатывали читателя, а потом он ушел, исчез, на его место набирается молодняк, — начинай с начала! Это есть основное правило для военной газеты: или в ногу с переменным составом. Заполнили казармы новым набором — и редакция, и рабкоры, и военкоры должны поставить перед собой заново вопрос: как подойти к тому молодому парню, который прибыл из деревни, в редких случаях из города, который казармы не знает, политики не ведает, который военной газеты не читал. Надо начинать с ним газетную работу с начала. Это как раз для данного момента, ввиду обложения армий, основной вопрос. Если военные газеты — а у нас есть хорошие окружные газеты — просто будут с разбега, по инерции, продолжать ту линию, которую они вели за прошлый год, то выйдет плохо, газеты не найдут своего нового читателя. Надо опять снизиться и взять разбег, надо твердо помнить, что молодой солдат, которого мы будем теперь иметь, значительно отличается от того, которого мы уволили в запас. Равняться по молодняку! Вместо интервью со всяческими многоуважаемыми деятелями, что если бы устроить интервью с новопризванными, с новобранцами? Я думаю, что это было бы куда интереснее, — только без фамилий, ибо на этой почве может лишь суетное тщеславие развиваться. Но, например, рассказать со слов молодых красноармейцев десять

биографий: где родился, как жил до сих пор, знал ли уволенных в запас из армии в своей деревне, как они там живут, что делают, как он представлял себе красную казарму, что слышал в деревне о Ленине. Свежее еще деревенское сознание его сфотографировать в газете. И рядом — городского. Выбирать, разумеется, надо типические фигуры и дать серию вот таких портретов или авто-портретов молодняка-новобранца. Военкор, который проделает эту работу хорошо, тем самым приобретет очень высокий стаж, ибо это страшно трудно — заставить вот такого серого или полусерого, сырого или полусырого, человека рассказывать о себе, обнаружить свое нутро.

Держать связь с отпускниками!

Если надо осветить новобранца и равняться в газете по молодняку, то надо не упускать и отпускника, уволенного сейчас в бессрочный отпуск красноармейца. Общие впечатления и сведения, которые я имел с разных сторон, непосредственно из нашей же казармы и от товарищей, которые в деревнях выдаю отпускников, и от товарищей, которые встречались с ними в вагонах, общие впечатления, говорю я, таковы, что уезжали в хорошем настроении. Они многому научились, едут в деревню, чтобы драться там с поповщиной, с засильем кулаков и т. д. Едут они также с намерением — это одно из наших важнейших завоеваний — старому затхлому трехполью нанести сокрушительный удар, ибо они слышали агрономические лекции, были на сельско-хозяйственной выставке и пр. В общем, очень отрядные впечатления и

перспективы. Эти отпускники могут и должны стать правящим слоем в деревне. Каков, однако, дальнейший путь развития вот этих наших красноармейцев в деревне? Нельзя закрывать глаза на то, что тут есть две возможности. Отпускник-крестьянин, возвращающийся в деревню, многого понабрался в армии, многому научился в казарме, видел городских коммунистов вблизи, в нем нет страха перед коммунистом, у него есть связь с городом, он получил вкус к газете, он относится с ненавистью к старому сельско-хозяйственному и бытовому укладу деревни, он, стало быть, деятель исключительно прогрессивный для деревни. И если он войдет в упряжку коллективной работы, он станет в высокой степени ценной культурной силой. Но представьте себе этого отпускника, действующего только на своей пашне, в своем дворе, исключительно во имя собственных интересов. Как-в будет результат? Не трудно предвидеть. Этот вот с пробужденной активностью, грамотный, прогрессивный в сельско-хозяйственном смысле человек начинает орудовать у себя и на себя, в своем дворе, вводит более совершенные способы обработки земли и пр. Что из него может выйти в год-два? Кулак, первоклассный деревенский кулак! На это, товарищи, надо обратить сразу же внимание, призадуматься над этим заранее. Он грамотнее, ловчее, расторопнее, у него имеются связи с городом, он съездит, письмо напишет, газету прочтет, где, и как, и что, он и товарца купит легче, и семян скорее достанет. Одним словом, если дать ему качества, какие мы даем красноармейцу в казарме, и потом отпустить его в деревню и утратить его из виду, и если в деревне он не попадет ни в какую

организацию коллективной работы, то значительный процент из этих отпущенных красноармейцев могут обернуться скоро кулаками,—не старым кулаком, безграмотным, с иконостасом, с лампадками,—нет, он безбожник, он грамотный, это будет уже кулак европеизированный. Некоторый процент таких кулаков неизбежен, товарищи,—на то и нэп! Пока мы не обеспечим твердые основы социалистического хозяйства, до тех пор совершенно неизбежно, что мы из нашей красной казармы будем выпускать известный процент возможных этих кулаков. В чем, однако, состоит задача? В том, чтобы этот процент свести к минимальному минимуму. А как этого достигнуть? Нужно направить энергию отпусков, прошедших казарменную школу, учебу, газету и пр., в коллективное русло. Тут встает вопрос и о кооперации, и о комсомоле, и о партии, и о создании контроля общественного мнения молодняка деревни, руководимого через комсомол партией. Военная печать должна, по возможности, сохранить и развить с отпусков постоянные связи. Корреспонденция о деятельности отпусков в той же военной газете есть одна из существенных задач военной печати и вместе с тем путь воздействия на нашу общую печать.

Тердивизии.

Теперь о тердивизиях. Это почти еще непочатый угол работы. Тердивизия у нас пока еще в проекте. Опыты, которые мы делали до сих пор, являются пока совершенно недостаточными, и мы иногда чрезмерно оптимистически и скороспело оценивали результаты.

Они^х удовлетворительны, слов нет, — но ведь мы призывали до сих пор в территориальные дивизии только обученный человеческий материал. Перед нами стоит задача сбора необученного, не прошедшего казармы молодняка. Только в тот момент мы сможем сказать, что наш территориально-милиционный опыт вполне удался, когда построим территориальную дивизию из человеческого материала, не прошедшего казарму. В этой области скороспелые оптимистические обобщения и бахвальство более неуместны, чем где бы то ни было. У нас нет никакого основания сомневаться, что мы в этом опыте достигнем необходимых результатов. Он увенчается успехом. Но не так скоро. Было бы грубой ошибкой думать, что мы стоим уже у завершения милиционной системы, — нет мы стоим только у порога ее. На этот счет и старый Энгельс, который знал толк в военном деле и имел не плохую голову, предупреждал, что нельзя надеяться на то, что пролетариат, завоевавши власть, введет сразу милиционную систему: нет, говорил он, завершенная милиционная система может быть введена только уже в развернутом, в упрочившемся социалистическом обществе, поскольку рядом с ним будут капиталистические общества. Милиционная система предполагает полное растворение армии в хозяйственно-организованном населении, полное слияние военной организации с хозяйственной, культурной, спортивной и бытовой. До этого нам, конечно, еще очень далеко. Первый этап наш на этом пути, — создать чисто территориально-милиционным путем из необученного молодняка первую дивизию, хотя бы и обладающую довольно многочисленными постоянными кадрами. Мы теперь

вплотную подходим к этой задаче. Военная пресса должна помочь ее разрешению. Во время ближайших терсборов газета каждого округа и, конечно, „Красная Звезда“ должны будут иметь военкоров, которые в процессе территориальных сборов осветили бы эту работу снизу доверху. На основании этого живого газетного материала мы будем проверять ход нашего милиционного опыта. Так дело пойдет вернее и успешнее.

Как писать?

Товарищи, у нас часто и много говорят о том, как рабкорам и военкорам писать, о слоге и пр. Это, конечно, важные вопросы, но есть вопрос основной, вопрос о том, что в газете нужно писать правду, по совести, и в этом смысле воспитывать наших военкоров. Мне приходилось на другом собрании говорить насчет значения правдивости в военном деле. Есть такой предрассудок, будто бы больше всего лгут дипломаты. Дипломаты лгут не мало, это несомненно, — вероятно, даже советские. (Смех.) Ничего не поделаешь. Это их профессиональная обязанность, а иногда — профессиональная болезнь. Но я все-таки думаю, товарищи, что в военном деле лгут больше, чем в дипломатии. Это я говорю не из ведомственного соревнования (смех), а по чистой совести. Если взять историю войн с древнейших времен, и пройти по ней критически, как сделал немецкий профессор Дельбрюк, то обнаруживается, что это на девяносто девять процентов ложь — и в смысле численности сражающихся, и в смысле жертв, и в смысле трофеев, и в смысле героизма. Ложь на жи

Нам это не с руки! Что наша Красная Армия героическая армия, это я здесь не должен доказывать. Что она в труднейших условиях совершала чудеса, это несомненно. Но что есть и такие командиры, комиссары, и газетчики, которые кое-что понаприбавили,—в этом тоже не может быть никакого сомнения. Каков оказался бы процент при строгом химическом анализе этой самой прибавки, я решать не берусь. Но факт несомненный, что наряду с величайшим массовым и личным героизмом в Красной Армии было не мало прикрашивания, сокрытия, а нередко и прямого приукрашания. Это наблюдалось и в боевой обстановке. Снизу вверх, из полка—в бригаду, из бригады—в дивизию, потом в армию, из армии на фронт,—шел поток донесений, и не все в этих донесениях было чистой правдой, не мало было и отсебятины. Деловая правдивость не сама по себе дается, а является продуктом культурного воспитания. Совершенно ясно и очевидно, что правдивость в военном деле—в смысле того, чтобы правильно и честно рассказывать, что было, что видел и делал—ведь от этого зависит все!—есть основной вопрос воинского воспитания. Врага обмани так, чтобы он действительно оказался обманутым. Но свою собственную армию, командный состав, выше тебя стоящих товарищей по общей борьбе обманывать не смей! В этом деле легкомыслие, тщеславие, ложный стыд есть преступление. За такое преступление можно и должно карать с успехом одиночек, если общественное мнение всей армии сформировалось и относится беспощадно к такого рода лжи, идущей снизу вверх, а иногда и сверху вниз.

Вот, воспитание общественного мнения армии в духе правдивости есть большая задача военной печати. А для этого сама военная печать должна быть правдива. На вопрос: как писать? первейшая заповедь: пиши правдиво! Правдивость связана с целым рядом других качеств, с чувством ответственности, самостоятельности, с революционным достоинством. Красноармеец чувствует себя не рабом подневольным, а сознательным гражданином, который борется во имя большого дела, и поэтому именно он не обманывает,—себя ведь обманывать нельзя. Воспитание начинается с военкора, начинается со статьи в газете. Здесь очень важны руководящие указания редакции, систематические, постоянные, настоячивые,—потому что военные журналисты и корреспонденты, как и не военные, часто не потому лгут—это тоже очень важное соображение!—что они сознательно хотят обмануть, а потому, что они не додумались еще до искусства говорить правду. Это факт, товарищи! Военкор сразу начинает с готовых шаблонов: ему кажется, что так лучше, приличнее, достойнее... „Героическая Красная Армия“ и пр. и пр. Верно ли это? Верно, героическая. Но он-то этого не показал, а просто повторяет шаблонные фразы, которые убивают мысль. У него все смазывается одной условной краской, у него нет еще способности индивидуализировать, оценивать конкретно данную обстановку, улавливать особенности места и времени. У него нет даже потребности спросить себя: а вот моя часть, отличается она от других или нет и чем именно? Раз есть готовый шаблон и этот шаблон приемлется газетой,—он так и будет писать показанному. Между тем шаблон убивает чуть-чуть про-

бужденную мысль. На ней сразу образуется корка рутины, и эта корка заглушает самостоятельную мысль. Так может выработаться „спедкор“—в дурном смысле слова. Все у него очень просто: обмакнул перо в чернильницу и пишет общие места; сам дальше не двигается и читателя вперед не ведет. Сегодня, завтра одно и то же. Натолкнуть его на живое, пробудить в нем критическое отношение, вызвать стремление говорить правду, докапываться в каждом факте до его корней,—вот это важная газетно-воспитательная задача. Конечно, необходимо работать над слогом и стилем. Но всякий человек достаточно красноречив в том деле, которое его интересует, которое он знает, которое его захватывает. Всякий человек напишет хорошую корреспонденцию, если у него есть элементарные навыки грамотности, если он знает, о чем хочет писать, и если понимает, для чего хочет писать. С этого-то и надо начинать. Если хочешь чтонибудь в газете рассказать, то прежде всего хорошо уясни себе факт, узнай, как обстоит на самом деле, во всей конкретности, а затем спроси себя, зачем ты об этом факте хочешь в газете рассказать, какие цели преследуешь. Ведь военкоры существуют не для того, чтобы военкорствовать; надо помнить, что военкор есть орудие поднятия культурного уровня Красной Армии. С того момента, как военкор думает, что он самоцель, что военкор только для военкорства—он погиб. Пишет ли он первую, десятую или сотую корреспонденцию, он должен знать, для чего пишет. Нам, старым и опытным рабкорам, отвратно бывает писать статьи не по материальным, а по формальным, например, юбилейным мотивам. Это у нас в ходу.

Звонок: „Напишите, пожалуйста, статью по поводу выхода 75-го номера газеты такой-то“ (юбилеев у нас много). Что тут скажешь? Такие статьи чаще всего — казенщина, рабкорство для рабкорства, т.-е. смерть всякой мысли.

На первых шагах пробуждения военкора, когда он только-только что начал писать, — он будет неизбежно в самом процессе писания искать удовлетворения. Ему приятно взять бумагу, обмакнуть перо, писать. Его надо поощрять, направлять, но... не печатать. Ему надо объяснить по-товарищески: ты должен иметь цель, ты должен своей статьей совершить какую-то общественную работу.

Критика и чувство реальности.

Газета должна пробуждать и направлять критицизм. Надо, чтобы интересы и наблюдения писателя и читателя не покрывались корой рутины. Но надо помнить, что критицизм на первых шагах есть орудие обоюдоострое. Никто так не критикует, как только что пробудившийся к сознательной жизни человек. Пробудился, увидел недочеты и критикует все и вся. Поэтому-то и молодежь очень критична. Свежи ее восприятия, она живет с широко открытыми глазами, наблюдает, остро реагирует. Опыта у нее мало. Общественное воспитание, не ослабляя свежести и страстности критики, должно привить ей необходимый общественный реализм. Рабкоры и военкоры представляют пробудившуюся критику молодого класса. Их критике также часто не хватает корней опыта, здесь руководство очень и очень нужно. Вести в военной

печати линию славословия Красной Армии — это противоречило бы самому духу Красной Армии; но, с другой стороны, надо, чтобы критика была в соответствии с условиями и обстановкой, нужно, чтобы военкор воспитывался в понимании условий того, что он подвергает критике. С этого и начинается, в сущности, зрелый человек, зрелый гражданин, зрелый работник. Зрел тот, кто умеет критически подойти к делу — не в том только смысле, что он минусы отметит, а в том, что поймет и сможет показать другим, почему эти минусы возникли: от субъективной ли причины (вина), или от известных объективных условий, которые поддаются только медленному воздействию. В этом направлении надо вести дело.

Армия наша находится в состоянии постоянных преобразований, улучшений. Недостатков тьма. Недостатков чисто военных и недостатков, отражающих общие советские недочеты. Мы проводим теперь ряд преобразований. Проверка их может быть дана только снизу. Та военная реформа хороша, которая — при одних и тех же расходах государства на бойца — улучшает материальные условия его существования, повышает его воинскую выучку и общий культурно-политический уровень. Без этого результата все реформы — игра бюрократического воображения. Как же проверить результат? Снизу! Здесь первое слово военной печати. Здесь первое место военкору. Осмотри, наблюдай, сравни, расскажи! Это вернейшее противодействие против пустопорожного реформаторства и бюрократического самодовольства.

Печать и кумовство.

Пужна правдивость, сказал я. А правдивость предполагает нелицеприятие. Надо беспощадно бороться с попытками использования корреспондентства всех газет, и в том числе военного корреспондентства, в духе прямого кумовства или замаскированного. Этот грех есть везде. В одном военном издании — не буду называть его, потому что издание само по себе хорошее — я встретил корреспонденцию, где бывший воспитанник одного очень высокого военного учебного заведения описывает, как он приехал в полк, как его встретили „не очень любезно“, как он затем приехал в дивизию, где Иван Иванович его встретил опять-таки нелюбезно, но зато Петр Петрович — архи-любезно. Это уж никуда не годится. Это есть прием — может быть, в данном случае, по наивности — использования техники газеты по линии кумовства. Для этого, говорят, изобретено даже новое слово: кумунизм, которое происходит не от латинского слова коммуна, а от истинно русского слова кум. Этот „кумунизм“ встречается в печати не так уж редко, особенно в корреспонденциях с мест. На этой почве бывают жестокие столкновения и процессы. Немало случаев отвратительного, дикого, самодурского гонения на корреспондента. Но бывают случаи, когда корреспондент одного обвиняет, а другого восхваляет — не по соображениям общественным, а по соображениям кумовства. Острое, сильно отточенное оружие газетного обличения используется не всегда осторожно и добросовестно. В военном деле оружие газетной критики нужно применять добросовестнее,

чем в каком бы то ни было другом деле. Военкоров надо воспитывать в духе коммунизма, а не кумунизма.

Армия и вопросы быта.

Область интересов военной газеты — конечно, военные вопросы прежде всего. Но военное дело у нас тесным образом связано с политикой. Политика связана с партией, с рабочим государством. Исходная точка всего должна быть военная. Все ставится под военным углом зрения, в том числе и вопросы быта. Входят ли вопросы быта в сферу интересов военной печати? Безусловно входят. Вопросы быта не „выдумка“, как пытались было сгоряча возразить. Вопросы быта, это — вопросы повседневной жизни масс. Как же они могут не интересовать молодого крестьянина или рабочего, оторвавшегося года на два от старого отцовского быта и потому склонного на многое взглянуть критическим глазом? Что такое самый социализм? Социализм, как историческое движение, имеет своей задачей перестроить материальный и духовный быт людей на основах солидарности. В отношении к этой задаче: перестроить быт на началах коллективизма и тем самым поднять личность человеческую на новую высоту, в отношении к этой задаче и диктатура пролетариата, и революция, и наша партия — только средства к цели. Завоевавши власть и ставши перед задачей перестройки всего общественного уклада, рабочие массы во все большей степени будут направлять свою мысль и энергию на перестройку быта. Привить красноармейцу элементарные знания и навыки культурности: сделать его грамотным, научить его мыть руки перед едой,

читать газету, не грызть семечек и пр. значит дать практический толчок его мысли в сторону работы над перестройкой старых семейно-бытовых форм жизни. Борьба с алкоголизмом тоже есть немаловажный вопрос быта. Мы безнадежно себя скомпрометировали бы, если бы отказались понимать, что одной из важнейших наших задач является работа в нынешней конкретной обстановке над перестройкой быта трудящихся масс. С чего мы начали в 1918 г.? Мы начали с многочисленных яслей для детей, с трудовых школ, с коммун-общежитий и т. д. Мы размахнулись слишком широко, считая, что мы гораздо богаче, чем оказались на деле. Нам пришлось потом жестко сократиться. Теперь материальные условия улучшились, и мы в новых условиях работу над бытом восстанавливаем. Только теперь интерес к этой работе охватил широкие массы. Все эти вопросы быта будут просачиваться и в деревню через Красную Армию. Перестройка быта в деревне гораздо сложнее: там семья, изба и изгородь,— переход к коллективным формам быта неизмеримо труднее. Но если мы не дадим нашему отпускному красноармейцу стать пленником кулацкой стихии, если мы его будем приучать к артельной обработке земли, к кооперации, то он станет лучшим проводником новых начал в области семейно-бытовой. Мы ни в каком случае не можем отказаться в нашей красной казарме от работы в области вопросов быта, а следовательно не можем от них отказаться и в нашей военной газете. Крестьянин приобщается ныне к культуре прежде всего через свой красноармейский молодец. Каждый пробуждающийся красноармеец непременно направляет свою мысль на условия своего существования в семье,

на отношения между родителями и детьми, на вопросы брака, религии и пр. Мы не хотим и не можем лишиться такого важного звена культурной смычки между городом и деревней, каким является, в первую голову, переменный состав Красной Армии. Наши военные газеты должны и будут уделять широкое внимание вопросам быта трудящихся масс города и деревни. С этого в значительной мере и начнется перевоспитание молодняка 1902 г.

Военная печать и ленинизм.

Вот, товарищи, то, что я могу сказать наиболее существенного о задачах нашей печати. Незачем говорить, что вся эта работа, с начала до конца, будет только в том случае хороша, если она будет проведена принципиально, т.-е. если вся она будет освещаться под углом зрения нашей партии, если вся она будет проникнута принципами и духом ленинизма. Сейчас, после трагической утраты Ленина, многие, едва пробужденные, люди хотят найти какой-то самый короткий путь к Ленину. Они знают, что Ленин большой человек. Много говорят и пишут о нем. Читать толстые книги трудно, хочется найти самый короткий путь к Ленину, но чтоб это был путь верный. Между тем, дело это не простое, трудности большие. Разумеется, можно быть массовиком-ленинцем, даже не прочитавши ни одной книги Ленина. Таких очень много. Они идут по тому пути, который Ленин наметил, осветил, указал. Ведь тем и силен ленинизм, что он обобщает опыт масс. Но теперь есть нечто другое, массовик хочет собственной головой найти прямую дорогу к Ленину, понять его учение. Это огромное завоевание.

Но в то же время здесь есть возможности ошибок, упрощения ленинизма, как системы, как учения, как метода. Это неизбежно. За этим потоком надо внимательно следить, углубляя его русло и заботясь о том, чтоб оно не засорялось. Но ошибки, односторонности и наивности в подходе к ленинизму есть, и они будут еще встречаться часто... Самой распространенной ошибкой является стремление использовать отдельные мысли или выражения Ленина совсем для других целей. Берут, например, цитату „врозь итти, вместе бить“ (кстати сказать, фраза эта вовсе не принадлежит Ленину) и пытаются применить ее к стратегии, к тактике, думая, что в этом и состоит ленинизм. Берут другие афоризмы, которые у Ленина являются не абстрактными истинами, а формулировками конкретных отношений между определенными классами и партиями, и говорят себе: нельзя ли это все приспособить к военному делу, к морскому делу, к артиллерии. Такие искушения есть. Но это, конечно, неправильно, это не путь к Ленину. Это путь начетчиков. Вы знаете, как Толстой, который был метафизиком, составлял „Круг чтения“: он брал отрывки из Конфуция, Христа, Платона, Карлейля и наносил их в календаре, на первый день из Конфуция, на второй день из Декарта. Это есть подход начетчика-мужика. Крестьянин, духовно пробужденный, хочет общих истин, вечных истин, раз навсегда пригодных, он становится начетчиком, т.-е. берет готовые тексты, на них утверждается, их распространяет на все случаи жизни. По этому пути всю свою жизнь шел Толстой, как философ. Но, конечно, из Ленина взять универсальные поучения, вырезать их ножницами, чтобы они были на каждый день пригодны

и для учителя, и для артиллериста, и для хозяйственника, — это не то, это противоречит ленинизму. Ленин не дает готовых рецептов, а учит разбираться в обстановке. Ленинизм есть метод мысли, и этим методом, как инструментом, нужно овладеть. Чтобы овладеть им, нужно пройти трудный путь. Нужно под руководством Ленина продумать некоторые вопросы. Я, примерно, беру одну книжку Ленина, одну статью его, которая обозначала определенный поворот в политике, и ее проштудирую, изучу: почему Ленин тогда-то делал такие-то выводы и указания. Не ставлю вопрос так: не найду ли я, как политрук, в статье Ленина чего-нибудь полезного для своей роты, а говорю так: почему Ленин в 1904 г. выдвигал такой-то лозунг? почему в 1907 г. выдвинул другой? Я как бы не для своей сегодняшней, непосредственной пользы подхожу к статье Ленина, а подхожу издалека: хочу понять, почему Ленин в таких-то условиях думал или действовал так-то. Чтобы это понять, я должен вникнуть в обстановку, в условия, — это не легко, это требует усилий, работы, — но как только я это понял, то оказалось, что я не о Ленине забочусь, а себя обогатил, т.-е. понявши, почему Ленин в таком-то году так-то действовал, такую-то мысль выдвигал, я тем самым собственную свою мысль сделал более гибкой, более эластичной — и, глядишь, я, политрук или военкор, стал умнее, шире, смелее, поработавши над Лениным с таким вот историческим подходом. И само собой разумеется, что наши военные газеты, в меру своих сил и средств, технических, политических и всяких других, должны быть орудиями умелой пропаганды ленинизма в армии. (Аплодисменты.)

РАБКОР И ЕГО КУЛЬТУРНАЯ РОЛЬ.

(Речь на конференции Сокольнического райкома, посвященной выпуску районных курсов рабкоров и выставке стенных газет)¹⁾.

Рабкор, как рычажок культурного подъема.

Товарищи, вопрос о задачах рабкоров связан теснейшим образом с вопросом о поднятии культурного уровня рабочего класса. Все вопросы, большие и малые, упрутся у нас ныне в эту основную задачу. Коммунист, член Р.К.П., был и остается международным революционером. Но в применении к задачам Советской Республики он прежде всего — культурник. Слово „культурничество“ имело до революции в наших устах уничижительный, почти что бранный характер. „Эго, мол, культурник“, то-есть деятель, который мелко плавает. Были ли мы правы тогда? Да — были. Потому что в условиях царизма и в условиях буржуазного господства самая главная культурная работа должна была состоять в том, чтобы сплотить пролетариат для завоевания власти, ибо только завоевание власти открывает возможность настоящей широкой культурной работы. В германской социал-

¹⁾ В текст речи включены также и ответы на вопросы и записки, с целью придать изложению более систематический и законченный характер.

демократии, у германских меньшевиков, имеется теоретик Гильфердинг, который на днях в теоретическом органе германской с.-д. партии написал статью, мысль которой такова: мы, немецкие социал-демократы, отказываемся от революционной деятельности, в пределах германской республики мы посвящаем отныне свои силы культурному подъему немецкого рабочего класса. Выходит на первый взгляд, что он сказал чуть-чуть не то же самое, что и мы говорим: именно что главная работа есть работа культурническая. Но в чем тут разница? Разница заключается в том, что в Германии пролетариат не имеет власти и, следовательно, культурническая работа пролетариата в Германии упирается в те рамки, какие ставит этой работе частная собственность на средства производства и власть буржуазии. А буржуазия, имея власть, имеет в своих руках издательства, книги, школы, библиотеки и пр. и уделяет рабочему классу лишь ту часть всего этого, которую она, буржуазия, считает необходимой, и на таких условиях, которые ей выгодны.

Можно, правда, сказать, что и у нас на этот счет бедновато. Но почему у нас бедновато по части школ, книг и газет? Потому что мы, вообще, бедны и малокультурны, и у нас всего мало. Но препятствий классовых и помех со стороны государства у нас нет, т.-е. у нас нет такой власти, которая была бы заинтересована в том, чтобы сократить средства культурного подъема пролетариата, ибо у нас власть рабочего класса. В одной из своих последних статей, на которую я уже ссылался, Владимир Ильич разъяснял: с завоеванием власти резко меняется самый подход к социализму. Пока длится господство буржуазии, до

тех пор борьба за социализм выражается в сплочении пролетариата для революционного захвата власти. Это значит: прежде всего пробей ворота в царство будущего! А когда власть взята, тогда подымай культурный уровень трудящихся масс, ибо социализма на низкой культуре создать нельзя. Конечно, германскому пролетариату после завоевания власти культурная работа дастся несравненно легче, чем нам. Но работать приходится в тех условиях, в какие мы поставлены всей нашей историей, а история наша есть история зверского гнета, отсталости, бедности, некультурности. Из себя тут не выпрыгнешь. Наследие прошлого надо преодолеть. Самый большой плюс, самое большое завоевание, какое до сих пор дала революция (ведь революция сама по себе не цель, разумеется, а только средство), это — пробуждение в трудящихся массах мощной тяги к культуре. Стыд за свою некультурность, стремление подняться — это есть основное, что революция дала — в размере, никогда не виданном, охватившем миллионы и десятки миллионов. Особенно сильна эта тяга к культуре, разумеется, среди молодежи. Несомненно, что процент безграмотных среди подростков убывает. Это мы видим и по военным наборам. Но между безграмотностью и полной грамотностью есть один этап, который называется полуграмотностью или малограмотностью. Вот, на этом-то этапе многие задерживаются. Таких малограмотных много теперь и в армии, и среди рабочей молодежи, и, тем более, среди крестьянской молодежи. Нужно, чтобы газета захватила такого малограмотного, привлекла его, заставила бы его ежедневно читать, научила бы его читать, упрочила бы его грамотность и через грамот-

ность расширила бы его кругозор. Тут мы и подходим к поставленному сегодня вопросу.

Рабочий класс пробудился для культуры. И рабочий корреспондент является одним из выражений этого пробуждения класса. В этом—основное отличие рабкора от всех других писательских групп. Он есть ближайшее, низовое, непосредственное орудие пробужденного к новым интересам рабочего класса. Этим измеряется, этим определяется смысл его работы, его роль, объем его интересов. Рабкор воспринимает все, чем живет и дышит рабочий класс. Рабкор своим пером пользуется, как рычагом. Маленький рычажок, но рабкоров много, а значит и рычажков много для культурного подъема рабочей массы.

Мысль и изложение.

Разумеется, для того, чтобы эту роль культурного рычажка играть с успехом, рабкор должен уметь писать. Это не простая вещь, нет! Под умением писать надо понимать, конечно, не только простую грамотность, но первым делом умение найти свою собственную мысль, спросить себя самого: что ты, такой-сякой, хочешь сказать? Научиться, товарищи, себя самого спросить об этом, да подтверже, да посерьезнее,—это самое трудное дело. Так вот просто взять перо, чернильницу, бумагу, обмакнуть да настрочить о том о сем, а больше ни о чем, чтобы читатель от нечего делать почитывал,—этого мало, это не писательство и не рабкорство. Правда, нельзя греха таить—у нас немало статей газетных пишется именно по этому рецепту. Отсюда—довольно распространенная

болезнь газетной „казенщины“. Когда журналист не чувствует читателя и потому лишь смутно знает, о чем ему писать, на сцену выступают неизбежно общие места, „трескотня“ и шаблон. Все это — не в обиду нам будь сказано. Умение найти свою мысль, нужную и необходимую именно в данных условиях, для данных читателей — это требование должен предъявлять себе всякий писатель, в том числе и начинающий рабкор. На это я напираю со всей силой. Первое дело — с пристрастием допросить себя самого: о чем и что хочешь сказать и для кого и для чего? Это предпосылка всего остального. Вопрос о том, как изложить — тоже вопрос чрезвычайной важности, но он встает только во вторую очередь.

Я встречал за последнее время много рассуждений о стиле, о слоге, предназначенных для рабкоров. Разумеется, это очень-очень важная сторона дела. Но среди рассуждений на эту тему встречается не мало вздора. Так, иные думают, что говорят нивесть какую мудрость, когда рекомендуют: „Пишите просто, по-пролетарски“. Но что значит писать „просто“? Писать просто совсем не так просто. В сущности, совет этот вырос из прошлого, когда революционер-интеллигент подходил к массе, и ему говорили: „Пишите или говорите попроще, пояснее, поконкретнее“... Конечно, и сейчас такой совет может быть не без пользы повторен во многих случаях. Но сказать рабочим корреспондентам: „Пишите просто, не гоняйтесь за стилем“, значит совсем не в то место попадать. Одной „простоты“ совсем не достаточно. Нужно умение, нужно искусство. Нужно вырабатывать свой способ изложения, свой слог. Это работа, это задача, это учеба.

Как же подойти к ней? И на этот счет попадаются довольно-таки курьезные указания. Я встретил одно такое указание даже со ссылкой на меня. Некий товарищ рассказывал на поучение рабочим, будто бы для выработки стиля я брал особое перо, доставал какую-то особую бумагу и... „разгонится, — пишет он, — а перо в бумагу упрется и стоп“. (Аплодисменты, смех.) Прочитав эти строки, я был до последней степени поражен, откуда сие? Позвольте вам, товарищи рабочие, более молодые писатели, сказать, что стиль вырабатывается не пером и не бумагой, а сознанием, мозгами. Спроси себя прежде всего, что ты хочешь сказать. Это есть первое условие — так же и с точки зрения изложения, формы или стиля. Каждый по-своему красноречив в том вопросе, который он знает и в котором он заинтересован. Конечно, у одного изложение будет ярче, у другого — бледнее. Темперамент у писателей бывает разный. Но убедительное и выразительное изложение получится даже у полуграмотного человека, если он твердо знает, что хочет в данном случае сказать, и если он не просто пишет, чтобы писать, а стремится чего-то добиться, т.е. если корреспонденция для него не простое удовлетворение тщеславия: „Вот, мол, и я, Иванов, подмахнул статью“, — а выполнение некоторого общественного долга: „Я должен обличить такую-то неправду, такой-то непорядок или, наоборот, рассказать о такой-то заслуге“... Величайшая ошибка думать, что стиль можно выработать одними только формальными средствами, без главной пружины, без общественного устремления, которое толкает человека к действию. Мы, революционеры, и в писательстве на первом

месте ставим стремление к действию: что-то изменить, что-то осуществить, чего-то добиться. Этой цели должны быть подчинены и усилия по выработке писательского стиля.

Из чего состоит корреспонденция? Из двух элементов, одинаково необходимых. Один из них, это — факт, а другой — точка зрения. Без факта нет настоящей корреспонденции. Это нужно помнить твердо. В основе корреспонденции должно лежать нечто живое и конкретное, притом свежее, то, что случилось, произошло на днях, недавно. Но подметить и выделить интересный факт можно лишь в том случае, если у рабкора есть точка зрения. Мало того, и преподнести читателю факт можно и должно под известным углом зрения. Только таким путем корреспонденция получит надлежащую воспитательную силу. Вот это сочетание живого факта с правильной точкой зрения и составляет сущность писательского искусства как рабкора, так и вообще журналиста. Смешно, конечно, спорить о том, что важнее: факт или его оценка. И то и другое необходимо. Но не глуши, не удушай факта точкой зрения! Первым делом расскажи факт, как следует быть, правильно и интересно. Не бей читателя по голове моралью, не тащи его за шиворот к выводу, — дай ему, как следует быть, разобраться в факте, изложи факт так, чтобы вывод вытекал сам собою, подскажи этот вывод читателю так, чтобы он не заметил подсказки. Это уж высшее искусство, и к нему должен стремиться каждый рабкор, который хочет стать серьезным работником печати. Подвигаться по этому пути можно лишь шаг за шагом, усердно исправляя и переделывая написанное, никогда не

удовлетворяясь достигнутым, учась у других, проверяя себя через читателей, расширяя свои знания, свой кругозор и свой словарь.

В хорошем изложении должна быть прежде всего внутренняя логика. Надо последовательно излагать факты или развивать мысль, давая читателю возможность проходить своей собственной мыслью через все ступени, которые должны привести его к надлежащему выводу. Не редко встретить журналиста или оратора, который не развивает последовательно свою тему, а зашвыривает читателей и слушателей отдельными не связными мыслями или фактами, которые имеют то или другое отношение к теме. Такой неряшливый способ изложения действует разрушающе на мысль, как физическая неряшливость действует разрушающе на тело. Когда слышишь такого рода оратора, хотя бы и молодого, то говоришь себе: „Этот уже дальше не пойдет!“. Ибо идти дальше можно, только добросовестно и вдумчиво прорабатывая вопросы, а это сейчас же видно на изложении: как бы прост ни был вопрос, но, если он продуман, в изложении будут и последовательность и свежесть. А если все свелось к шаблону, к фразам, к „трескотне“—ставь крест, пиши пропало!

Когда пишешь, представь себе ясно, что твою статью читают вслух в твоей мастерской, или в соседней, или где-нибудь другом ближайшем заводе. Представь себе десяток-другой рабочих и вообще граждан, как они слушают твою статью. Задумайся спокойно и добросовестно о том, как эта статья входит в их сознание. А с другой стороны, представь себе ясно, что статью читают те лица, которых ты обличаешь за

упущения и непорядки, и спроси себя: а не могут ли они сказать, что ты хватил через край, преувеличил, исказил, напутал, не разобравшись, как следует быть, в деле? Спроси сам себя, нет ли за тобой действительно греха в этом и не лучше ли отложить статью и еще раз проверить факты, как следует быть. Добросовестность рабкора есть важнейшее качество, без которого все остальные не послужат ни к чему. Если корреспонденции твои раз, другой и третий окажутся неправильными, преувеличенными или прямо ложными, то это не только подорвет доверие к тебе, рабкору Петрову, но может подорвать у отсталых читателей доверие к печатному слову вообще. Помни, рабкор, о своей собственной репутации, как газетного работника, и, вместе с тем, о твоей обязанности, как стража чести и достоинства советской печати!

Конечно, все это уже далеко выходит за пределы вопроса об изложении и стиле. Но связь тут все же самая прямая. Давно уж было сказано одним умным французским писателем, что „стиль, это—человек“, то-есть не нечто внешнее, поверхностное, а нечто внутреннее, выражающее характер человека, его развитие, его волю, его добросовестность... Чтоб выработать свой стиль, надо выработать в себе мыслящего и действующего человека. И в этой выработке нельзя никогда останавливаться на месте!

Популярность, или общедоступность.

Изложение должно быть всегда, конечно, как можно более общедоступным. Но это опять-таки очень и очень сложный вопрос. Степень доступности зависит

не только от изложения, но прежде всего от существа излагаемого вопроса. Чтобы подойти ближе к этой теме, я познакомлю вас с одним открытым письмом ко мне, которое было прислано в „Рабочую Газету“, а редакцией газеты переслано мне. Вот главные места этого письма:

„Прошу редакцию „Рабочей Газеты“ напечатать в газете это открытое письмо к тов. Троцкому. Я, как рабочий корреспондент нашей пролетарской рабочей газеты, не могу обойти молчанием то, что затрагивает меня, как корреспондента и как культурника. Дело в том, что я очень часто встречаю в газете „Правда“ (которую я тоже выписываю) статьи тов. Троцкого о рабочем быте, пролетарской культуре, искусстве, партийной политике в искусстве и т. д. Статьи очень и очень важные в настоящее время и интересны по сюжету, но только не для всех; под словом всех я говорю о рабочих, т.-е. не то, что они не интересны для рабочих, наоборот, очень интересны, но, к великому сожалению, не вполне понятны и не понятны лишь только потому, что слишком уж перегружены научными терминами и словами, как, например, в газете № 209, в статье „Партийная политика в искусстве“, фигурируют: „критерий“, „метафизика“, „диалектика“, „абстракция“, „антагонизм“, „индивидуум“ и т. д. Все эти слова требуют от читателей известной подготовки и высшего образования, а для среднего читателя и в особенности для рабочего они непонятны и, конечно, через это вряд ли могут заинтересовать их; в силу этого я бы, с своей колокольни, просил тов. Троцкого чаще писать такие статьи, но воздерживаться от вышеуказанных иностранных

ных слов и терминов, а заменить их общепонятным популярным русским языком, дабы всем такие статьи могли принести ту духовную пищу, которой так жаждут наши отсталые рабочие читатели. З. Крячко, 25 сентября“.

Письмо, как видите, довольно старое, я отвечаю на него здесь с запозданием. Но это роли не играет, так как вопрос о популярности имеет не временное, не мимолетное значение. Я, конечно, не стану доказывать, что статьи, о которых говорит т. Крячко, общедоступны, или что в них нет лишних иностранных слов или выражений, которые можно было бы построить удобопонятнее. Возможно, что такие грехи и промахи в этих статьях есть, даже наверное. Тем не менее, суть вопроса о популярности все-таки не здесь. Я сказал, что стиль зависит в огромной степени от того, насколько знает человек, что он хочет сказать. В основе лежит мысль, стремление к действию, а стиль развивается и обнаруживается уже как служебное средство. То же и с популярностью. Она не самоцель, а средство к цели. Изложение должно отвечать предмету, степени его сложности или простоты. Конечно, можно наворотить совершенно лишних иностранных слов и запутать самую простую мысль. Но сплошь и рядом трудность не в словах, вообще не в изложении, а в самом вопросе. Вот, например, „Капитал“ Маркса. Можно его популярно написать, устранивши иностранные слова? Нет. Почему? Потому что тема сложнейшая. Если мы все иностранные слова „Капитала“ заменим словами отечественного производства, то „Капитал“ вовсе не станет более понятен. Почему? Потому что тема сложная. А как

подняться к „Капиталу“? Старайся прочесть ряд более простых книг. Наберись знания и дойдешь до „Капитала“. Главная трудность — в сложности вопроса. Более того. Если иностранные слова в „Капитале“ заменять чисто-русскими, то изложение не только не выиграет в ясности, а, наоборот, усложнится. Научные термины (слова, обозначения) связаны с определенными точными понятиями. Если эти установившиеся термины заменять какими-либо более или менее подходящими русскими словами, то точность терминов исчезнет, изложение станет более расплывчатым. Гораздо лучше пояснить нужный термин, а затем повторить его раз и другой и ввести его таким образом в сознание читателя или слушателя. Если вопрос непосредственно вытекает из опыта рабочего, изложение всегда можно и должно дать такое, чтобы тебя понял прекрасно даже безграмотный. Но если вопрос из опыта отдельного рабочего непосредственно не вытекает, если вопрос опирается на несравненно более широкий опыт, как, например, вопросы математические, вообще научные, философские, то довести их до полной общедоступности одним изложением никак нельзя. Тут нужна подготовка, нужна тщательно подобранная библиотека, которая была бы для рабочего лестницею вверх, а каждая книжка — ступенью.

Первой ступенью для отсталого читателя-рабочего должна быть естественно корреспонденция своего же местного рабкора. Как читает газету передовик, политически и теоретически воспитанный рабочий? Он начинает с важнейших телеграмм, ищет глазами, нет ли где в мире обострения революционной борьбы, парламентского столкновения, смены правительства,

угрозы повой войны и пр. Он сразу начинает, таким образом, с большого круга вопросов. А как подходит к газете рабочий массовик? Он ищет заметки или корреспонденции, которые касаются его цеха, его завода, или соседнего завода, или ближайшего клуба, наконец—его района или его города в целом. Рабочий массовик начинает с малого круга, и чем меньше круг, тем ему интереснее, ибо тем ближе рассказанные факты касаются его самого. Все наши культурно-просветительные и политико-воспитательные задачи и противоречия и укладываются между этими двумя кругами: один—огромный, захватывает всю нашу планету, всю ее жизнь и борьбу; а другой круг—совсем маленький, захватывает только то, что под ногами. В первом кругу интересов живут лучшие передовики, опытные, просвещенные, начитанные борцы. Во втором, т.-е. в малом, кружке замыкаются интересы отсталых рабочих и подавляющего большинства крестьян. Между маленьким кружком и большим располагается целый ряд промежуточных концентрических кругов, которые можно рассматривать, как ступени. Задача газеты—расширять интерес читателя от малого круга, шаг за шагом, по ступенькам, вести к великому кругу. В этой работе воспитания читателя, расширения его кругозора, рабкору принадлежит очень важное место. Он близок к своим читателям, наблюдает их изо дня в день, следит за ростом их интересов и содействует этому росту, расширяя круг своих корреспонденций и постоянно учась из жизни и из книг, чтобы всегда оказаться впереди своего читателя.

Рабочий — элемент советской конституции.

Надо всегда иметь перед глазами такую мысль: рабочий, который не читает газет, еще не сын своего класса и не сын своего времени... Надо во что бы то ни стало пробудить его. Если он не умеет читать, надо побудить его слушать, как читают другие. А для этого надо заинтересовать его, захватить его за живое. Чем? Тем, что касается его ближе всего. Нужно, чтобы он услышал, что о нем кто-то думает и пишет. Кто может это сделать? Рабочий. Пробудить дремлющую мысль наиболее отсталых собратьев по заводу — вот первая и главная задача каждого рабочего, который серьезно относится к своей работе.

В пруде вода не застаивается и не гнивает, если в него вливаются свежие ключи. То же и с газетой — особенно в условиях революционной монополии печатного слова. Надо это помнить: всегда есть опасность бюрократизации газеты. У редакции свои отделы, своя канцелярия, свои навыки, свой подход, свои инструкции сверху. А жизнь-то меняется, масса обновляется, возникают новые вопросы и интересы. Если газета глядит в одну сторону, а читатель в другую — то это смерть для газеты. Рабочий не должен этого допускать. Рабочий не только пишет в газету о жизни масс, но и следит за тем, как газета воспринимается массой, и не только его собственные корреспонденции, но и все отделы газеты и статьи. Пиши в газету о самой газете!

Следи за тем, какие новые книги и брошюры встречают отклик в рабочей среде, пиши в газету о

книге. Газета не заменяет книги. Только книга может охватить вопрос со всех сторон и дать ему более глубокое, научное освещение. Рабкор, который только пишет, а не читает, не пойдет вперед; а кто не идет вперед, тот сдвигается назад. Рабкор обязан перед своими читателями повышать свой умственный уровень — читать, изучать, и чтение свое он должен соотносить с теми вопросами, которые ставятся жизнью в центре его внимания, как рабкора.

Советское устройство государства имеет своей задачей приблизить к управлению и научить управлять самые широкие народные массы. Этой задачи мы не можем упускать из виду ни при каких условиях. Но опыт истекших лет показал нам, что практическое разрешение этой задачи гораздо труднее, чем мы представляли себе в начале революции. Слишком у нас много отсталости, темноты, неграмотности, бытовой неподвижности; и слишком остры и неотложны, с другой стороны, практические задачи хозяйственного строительства. Отсюда, как из главного источника, и вытекает уклон к бюрократизму, т.-е. к решению вопросов через государственные канцелярии, помимо и за спиною трудящихся. Вот здесь-то газета и выступает, как могущественная поправка к работе государственного аппарата. Газета рассказывает, как эта работа сказывается и воспринимается на низах, как низы откликаются на эту работу. Уловить этот отклик и передать его в газету — непременная задача рабкора. Этим самым он привлекает к проверке государственной работы читателей газеты и постепенно подготавливает их к участию в самом управлении. Рабкор — не просто газетный сотрудник, нет, он новый и важный элемент

советской конституции, он дополняет деятельность правительственных органов, противодействуя их бюрократизации.

Вопросы быта.

Одним из важнейших вопросов, входящих в сферу деятельности рабкоров— об этом я уже не раз говорил и писал— является быт трудящихся масс в процессе его ломки и перестройки. Но вопросы этого порядка уже гораздо сложнее вопросов цеховых или заводских. Здесь особенно важен правильный подход. Иначе запутаться нетрудно. Бытовые вопросы сводятся в основе своей к хозяйственно-культурному строительству и к культурно-воспитательному воздействию. Тут очень важно научиться правильно, реалистически, не заносясь, оценивать нашу собственную работу. Она состоит из двух элементов разного исторического значения. С одной стороны, мы постепенно вводим в семейно-хозяйственный быт элементы коллективизма. Здесь при всей еще скромности наших достижений мы, по направлению работы, принципиально отличаемся от всего того, что делается на этот счет в капиталистических странах. Но, с другой стороны, мы ведем работу в том направлении, чтобы усвоить трудящимся массам нашей страны те культурные навыки, которые являются общими всем цивилизованному народам: грамотность, чтение газет, опрятность, вежливость и пр. Таким образом, в то время как основная линия нашей культурной работы направлена на социализм и коммунизм, нам одновременно приходится работать над тем, чтобы продвинуть вперед огромнейшие участки нашего культурного фронта хотя бы до

линии культурности, достигнутой в передовых буржуазных государствах. Вот этот двойственный характер нашей работы, обусловленной целиком нашим историческим прошлым, надо себе уяснить как следует быть, чтобы не ошибаться самым насчет смысла и содержания нашей работы

Так, например, некоторые местные общества нового быта ставят себе задачей выработку „коммунистической этики“, причем оказывается, на поверку, что под этим они понимают уничтожение грубости, борьбу с пьянством, взяточничеством и прочими грехами. Совершенно уж очевидно, что, ставя вопрос так, мы сами становимся жертвами известного оптического (зрительного) обмана. Выходит, будто грубость, сквернословие, пьянство и взяточничество характеризуют весь капиталистический мир, и будто только мы себе впервые ставим задачей создание „коммунистической этики“ путем очищения нашей страны от перечисленных грехов и пороков. На самом же деле по части грубости, сквернословия, взяточничества и пр. мы получили отчаянное наследство царской России, которая на многие десятки лет, а в иных отношениях — на столетия отставала по части культурности от европейских государств. В ликвидации этого до-буржуазного варварства состоит добрая доля наших культурных задач, а следовательно и работы рабкоров-культурников. Я настаиваю на этом потому, что для нас самое важное — отдавать себе правильный отчет в том, что мы делаем. Вы помните, как Маркс говорил, что о партии, как об отдельном человеке, нельзя судить по тому, что эта партия о себе думает. Почему? Потому что все партии прошлого, особенно же партии мелко-бур-

жуазной демократии, питались иллюзиями, скрывая от себя самих прорехи и противоречия своей программы и своей работы. Буржуазно-демократические партии не могут жить без иллюзий. Именно в силу этого меньшевики и эсеры, например, считают себя „социалистами“. Эти их иллюзии прикрывают тот факт, что на самом деле они выполняют служебную работу в интересах буржуазии. Но нам, коммунистам, иллюзии не пужны. Мы — единственная партия, которая при выполнении своей великой исторической работы не нуждается ни в каких иллюзиях, самообманах, фальшивых прикрасах. Окрестить борьбу с грубостью и пьянством и взяточничеством каким-нибудь архи-торжественным именем, вроде борьбы за коммунистическую этику или за пролетарскую культуру, вовсе не значит приблизить наступление коммунистического строя, а значит лишь украсить свою черную подготовительную работу фальшивой этикеткой, что нам, марксистам, не с руки и не в лицу.

Но этим я вовсе не хочу умалить значение нашей повседневной борьбы за повышение культурного уровня масс. Наоборот, от успеха ее зависит все. Когда-то мы говорили, что тифозная вошь может съесть социализм. Борьба со взяточничеством, как и с вошью, сама по себе еще не означает насаждение коммунистической этики, но ясно, что на нечистоте физической и моральной коммунизма основать нельзя.

В городе и деревне считают: „комсомольцу пить нельзя“. Это завоевание нужно укрепить и развить. Теперь нередко встретить болтуна, который с глубокомысленным видом станет разъяснять, что борьба с алкоголизмом есть... толстовство. Трудно представить,

себе бдльшую глупость и бдльшую пошлость. Борьба с алкоголизмом для трудящихся масс есть борьба за физическое, духовное и, прежде всего, за революционное самосохранение. Мы только-только начали подниматься вверх. Всего у нас в обрез. Заработную плату мы можем поднимать лишь очень и очень медленно. А ведь заработная плата — основа рабочего быта и основа культурного подъема. Врезываясь в быт рабочего, алкоголь урывает значительную долю заработной платы и тем самым подсекает культурный подъем. Надо ясно понять всю глубину алкогольной опасности в наших условиях, когда хозяйственный организм страны еле начинает оправляться после тяжелой болезни и еще всюду несет на себе следы худосочия. Рабкоры должны уметь борьбу с алкоголизмом тесно связать со всеми условиями жизни каждой данной группы рабочих, со всей их заводской, культурной, семейно-бытовой обстановкой. Но тот рабкор не рабкор, кто легко относится к алкоголизму, злейшему врагу революции и культурного подъема масс!

В связи с вопросами быта меня спрашивают, как я отношусь к „октябринам“, и являются ли они фактом нового быта? Конечно, преувеличивать значение октябрин никак не нужно, а тем менее допустимо бюрократизировать их; но, как признак сдвига, они представляют несомненный шаг вперед. Как раз сегодня я получил письмо из Елисаветградского уезда, одного из самых „махновских“ уездов, перенесшего наиболее жестокие испытания бандитизма. Там в деревне (забыл, в какой) уже до 10 крестьянских семейств совершили октябрины, причем собирались на этих октябринах и старики. Само собой, повторяю, это еще не меняет

быта, но это — критический сдвиг, обнаруживающий стремление к чему-то новому. Так на них и нужно смотреть...

Религиозность у нас ведь часто держится не в голове, не в сознании, не в убеждении, а в быту, в обиходе, в обстановке. Вот почему одними научными доводами далеко не всегда можно добиться успеха. Но зато сильнейшие щелчки религиозным предрассудкам можно нанести, рассказывая, как они проявляются в жизни. Нужно ясным и критическим глазом посмотреть, как проходят церковные крестины, или венчание, или похороны, и рассказать просто, или со смешком, кому дан смешок. Вот этикие религиозно-бытовые корреспонденции могут и должны сыграть гораздо более крупную роль в борьбе с бытовой церковностью, чем замысловатые и надуманные карикатуры некоторых наших рисовальщиков.

Половой вопрос.

Очень много говорят, в связи с бытом, о половом вопросе. Молодежь нашу этот вопрос, по понятным причинам, захватывает особенно остро. Записки на эту тему подаются на всех собраниях. И вопрос ставится не теоретически, т.-е. не в смысле марксистского выяснения развития форм семьи и общественно-половых отношений, а практически: как жить теперь, как быть сегодня?

Но в том-то и трудность, что на вопрос, поставленный практически, ребром, нельзя дать, при наших условиях, какой-либо категорический ответ, ибо половой вопрос захватывает весь клубок вопросов нашей общественности и семейно-бытовых отношений, а это

клубок пока что еще очень и очень запутанный. Я здесь не могу его распутывать, даже и теоретически только: это отняло бы очень много времени, да и в порядке нашего дня стоит не тот вопрос. Но главные моменты я укажу, потому что мимо отношений, конфликтов и затруднений, вырастающих на общественно-половой основе, рабкор никак не может пройти безразлично.

Незачем говорить, что мы и половой вопрос рассматриваем открыто, без мистицизма, без условной лжи и лицемерия,—но уж, разумеется, и без цинизма. Молодое поколение должно быть своевременно ознакомлено с физиологией и общественной гигиеной пола,—нужна половая грамотность, как и политическая. Это минимум того, что мы должны дать. Но отсюда, конечно, еще очень далеко до разрешения всех противоречий, связанных с половой жизнью в наших переходных условиях.

Жилищный вопрос имеет огромное влияние в этой области, как и вообще во всем, что касается личной жизни. Создание достойных культурного человека квартирных условий есть необходимая предпосылка для внесения большей культурности и человечности также и в половые отношения. То же самое относится к условиям общественного питания, к условиям питания и воспитания младенцев и вообще детей и пр. Ясно что вся работа по переустройству быта в социалистическом направлении будет создавать более благоприятные условия для разрешения нынешних половых противоречий.

Параллельно с этим совершается и будет совершаться процесс пробуждения и развития личности. Культурность есть в то же время внутренняя дисципли-

лина. Если мы говорим, что по пути к полному социализму и коммунизму государство, как аппарат принуждения, постепенно отомрет, то этим самым мы говорим, что необходимая для нового общежития дисциплина из внешней целиком станет внутренней, перейдет в общественную культурность каждого отдельного гражданина. Как люди в хоре поют согласно не потому, что их заставляют, а потому, что им это приятно, так и при коммунизме согласованность отношений будет отвечать личным потребностям всех и каждого. Для половых отношений это означает: с одной стороны — освобождение их от внешних уз и стеснений, с другой стороны — подчинение их внутренней дисциплине личности с ее более богатой духовной жизнью и более высокими запросами. Разумеется, это перспектива еще довольно отдаленная. Но она указывает нам все же тот путь, на котором нужно искать выхода из нынешних острых и болезненных противоречий в области половых отношений. Общественная работа над переустройством быта и работа над собственной личностью, над повышением ее квалификации во всех отношениях — вот то основное указание, которое можно дать на столь многочисленные записки по вопросам пола. И это вместе с тем тот угол зрения, под которым должен подходить к этим вопросам рабкор.

Бытописание и новая литература.

Итак, через рабкора рабочий быт должен оглянуться на себя и рассказать о себе. У нас было немало споров о задачах новой, пролетарской литературы.

Некоторые литературские кружки пытались убедить нас в том, что революционная литература должна не „отражать“, а „преображать“, и что поэтому бытописательству нет места в революционном художественном творчестве. Такой подход самым очевиднейшим образом обнаруживает „детскую болезнь“ левизны. Марксизма тут нет ни на грош. Как можно преображать, не отражая? Как можно воздействовать на быт, не познавая его во всей его конкретности? Некоторые (из коммунистов-футуристов) договариваются до того, что революционная литература должна де давать нам „стандарты“, так сказать образцы и нормы того, что должно быть. Но это уж явно безжизненная, идеалистическая, профессорская, схоластическая точка зрения. Мир тут искусственно делится на две части: бытие и долженствование. Пусть, мол, консерваторы изображают то, что есть, а мы — ух, какие революционеры! — будем показывать то, что должно быть. Когда читаешь такие мудрствования, то говоришь себе: ни Маркс, ни Ленин для этих людей как бы не существовали. Нет, не мудрите, господа: нам до зарезу необходимо отражение жизни и быта трудящихся, начиная с простых рабочих корреспонденций и кончая художественными обобщениями. И несомненно, что развитие сети рабкоров, расширение кругозора рабкоров, углубление их интереса и захвата, повышение их литературных приемов, — все это вместе и создает базу для новой более широко объемлющей литературы нашей переходной эпохи.

Тут позвольте опять вернуться к спору о пролетарской литературе, чтобы выделить основное ядро вопроса. Кое-какие товарищи обвиняли меня в том,

что я де „против“ пролетарской литературы. При доброй воле (вернее, при злой воле) это можно понять так: в частности, что я в некотором роде и против рабкоров, потому что они являются единственным непосредственным низовым литературным голосом пролетариата. Через рабкоров пролетариат оглядывается вокруг себя, вглядывается в себя самого, о себе рассказывает. Если рабкор этому не служит — это не рабкор, его надо разжаловать... В каком же смысле, товарищи, я говорил „против“ пролетарской литературы? Не против пролетарской литературы говорил я, а против того, что отдельные кружки литераторов вывески вывешивают над своей дверью: „В этом маленьком заведении вырабатывается пролетарская литература. Больше никуда не заходи!“ Нет! Так просто пролетарской культуры не создать. Задача гораздо хитрее и сложнее. В Пролеткульте прекрасную работу выполняют, поскольку учат и учатся писать, учат и учатся драматургии, музыке, искусству. Но когда создаются наспех литературные кружки из дюжины молодых литераторов, лишь субъективным настроением связанных с пролетариатом, и говорят: пролетарская литература, это — мы, а все остальное — от лукавого... ну, тут мы должны возразить. Слишком торопитесь! Собственные желания принимаете за факты. Не потому, что мы „против“ пролетарской литературы — какой вздор! — а потому, что нельзя считать создание пролетарской литературы — если понимать это не в кружковом, а в классовом смысле — таким простым и легким делом, когда перед тобою стоит прежде всего задача поднятия отсталого рабочего класса, который в массе своей еще до литературы, к несчастью, не поднялся. Вот мы, товарищи, говорим:

„буржуазная литература“. Почему мы ее называем буржуазной? Откуда она взялась? Как сложилась? Буржуазия класс богатый, поэтому образованный. У нее есть свободное время, ибо она эксплуатирует пролетариат. Свободное свое время она отдает всем видам наслаждений, в том числе и литературе, искусству и пр. Как воспитываются буржуазные писатели? Это сплошь и рядом сынки мелкой, средней или крупной буржуазии. Они учатся в буржуазной школе, они живут в буржуазной семье, они посещают буржуазные салоны, где встречаются с буржуазным депутатом, с инженером, с торговцем, с музыкантом, услаждающим слух той же буржуазии. У них, таким образом, всегда имеется „своя“ общественная атмосфера, в которой они живут, которой дышат. Они друг дружку понимают с полуслова. Писатель, художник должен иметь накопленные повседневные впечатления. Где он их накапливает? В буржуазной среде. Почему? Потому, что в этой среде он плавает, как рыба в воде. Это его среда, богатая, „культурная“. И то, что он там впитал в себя, то, чего он там надышался, нанюхался, в этой буржуазной сфере, — это он передает в стихах, повестях и романах. Вот, просто и коротко говоря, процесс создания буржуазной литературы. Создавалась она к тому же не сразу. Создавалась она веками. Буржуазия господствует столетия. Уже до того времени, как она взяла власть, она была богатым и образованным для своего времени классом. И вся художественная братия, в том числе и их газетные корреспонденты — как их назвать: буржкоры, что ли? — эти самые буржкоры питались всем виденным и слышанным в буржуазных семьях, салонах, магазинах и пр. Каково,

стало быть, главное условие развития буржуазной литературы? Главное условие то, что буржуазные литераторы и вообще работники искусства и сама буржуазия живут в одной и той же повседневной обстановке и характеризуются, приблизительно, одинаковым уровнем культуры. Литература, наука, искусство особенно богаты в тех странах, где богата и мощна буржуазия, где она долго развивалась и господствовала, идейно подчиняя себе большие круги народа, где у нее большие научные и литературные традиции. И у нас, в процессе создания нашей классической, дворянской по духу, и нашей позднейшей, буржуазной литературы, писатели наши жили одной жизнью со своим классом, который был способен питать, поддерживать и вдохновлять своих писателей.

Вот, если мы спросим себя, товарищи, в настоящий момент, сегодня, может ли наш пролетариат для своих художников, писателей, поэтов создать такие условия, — да или нет? — я отвечаю: к несчастью, еще не может. Почему? Именно потому, что пролетариат есть пролетариат: для того, чтобы послать начинающего пролетарского писателя или художника в школу учиться, развиваться, его нужно, при нынешних условиях, оторвать от производства, от завода, отчасти даже и вообще от повседневной жизни рабочего класса. До тех пор, пока пролетариат будет оставаться пролетариатом, даже из недр его выходящая интеллигенция будет неизбежно в большей или меньшей степени отрываться от него. Маркс и Ленин могли быть и не рабочими — и в то же время понять ход развития рабочего класса гениальным умом своим и выразить это в научных системах. Но для того, чтобы поэт, беллетрист чувствовал

настроение широких рабочих масс и выражал это в литературе и поэзии, он должен быть непрерывно и неразрывно связан с рабочими массами, в жизни, в быту, в повседневных переживаниях. А этого сейчас нет и не может быть настоящим образом до тех пор, пока мы не создадим предпосылок для новой, подлинно массовой культуры. А условия эти: во-первых, грамотность; во-вторых, настоящая грамотность, а не полуграмотность; и, в-третьих, всеобщая начитанность. А это предполагает всеобщую материальную обеспеченность, т.-е. такие условия жизни, когда у человека есть широкий досуг — не только для отдыха, но и для самообразования, самовоспитания, — другими словами, это предполагает материальный и духовный подъем до такого уровня, когда рабочий класс в толще своей, а не в одной только верхушке, овладеет всей человеческой культурой. Путь к этому — малый или большой, длинный или короткий? Да он настолько же длинен или короток, как и весь наш путь к полному и развернутому социализму, ибо настоящим образом поднять всю пролетарскую, а за нею и крестьянскую массу на такой культурный уровень, при котором между писателем и читателем, художником и зрителем не будет огромной культурной дистанции, можно только закрепив и развив социализм. И какая это будет культура тогда? Пролетарская? Нет, это будет социалистическая культура, потому что пролетариат, в отличие от буржуазии, и не может и не хочет оставаться господствующим классом навсегда. Наоборот, он взял власть, чтобы как можно скорее перестать быть пролетариатом. При социализме — нет пролетариата, а есть могущественная и культурная трудовая артель, и сле-

довательно артельное, или социалистическое, искусство.

Разумеется, среди молодых литературных групп, выходящих ныне из рядов пролетариата или приходящих к пролетариату, есть талантливые или, по крайней мере, подающие надежды поэты, беллетристы и пр. Но творчество их представляет еще такой маленький уголок, что не может быть и речи об удовлетворении пролетариата этим искусством. Нужно всячески помогать молодым пролетарским побегам художественного творчества, но в то же время нельзя допускать такого вопиющего нарушения перспектив, когда небольшая молодая литературная группка объявляет себя носительницей „пролетарской литературы“. Такая самооценка покоится на ложном понимании всего хода культурно-исторического развития пролетариата, которому еще очень и очень нужно пройти через буржуазное искусство, усвоить себе лучшее, что этим искусством создано, поднять свой художественный уровень и тем обеспечить условия для подлинного массового социалистического искусства. В этом процессе отдельные литературно-пролетарские группы могут занять свое местечко, но никак не монопольное. Разумеется, к буржуазному искусству, как и к дворянской усадьбе, пролетарий отнесется по пролетарски. Пролетариат ведь свою классовую точку зрения берет не из искусства, наоборот, он вносит ее в искусство. И вот здесь тоже должен помочь рабкор. Он должен стать посредником между широкой массой, с одной стороны, литературой и вообще искусством — с другой. Что читает рабочий? Что читает работница? Какие художественные произведения им нравятся? Как

они их читают? Переносят ли выводы на себя, на свою жизнь? Все это рабкор должен уметь подсмотреть, подслушать и рассказать.

Стенные газеты, которые развешаны в этом зале и в создании которых рабкоры принимают такое активное участие, представляют, конечно, очень ценное завоевание в процессе нашей борьбы за подъем культурного уровня масс. В этом их низовом происхождении их огромное значение, и мы здесь отмечаем, славим и награждаем — главным образом, собранием ленинских книг — тех заводских писателей и художников, которые лучше составили и лучше украсили свою стенную газету. Но в то же время, товарищи, эти же стенные газеты, сработанные от руки, напоминают нам о нашей бедности и о нашей культурной отсталости, о том — как много и много нам нужно учиться, чтобы выравняться культурно по передовым буржуазным странам, конечно, сохраняя и укрепляя наши социалистические основы. Наша пресса, и в том числе наши стенные газеты, выражают собою неизмеримо более высокую идею, чем те „идеи“, которые развиваются буржуазной прессой. Но если вы возьмете, скажем, английские газеты со стороны разнообразия материала, умелости и привлекательности изложения, иллюстраций, техники, то вы должны будете сказать: «как нам далеко до них! У них там, кроме больших газет, имеется множество мелких, специальных, посвященных особым интересам или нуждам профессии, корпорации или квартала и огражающим жизнь его со всех сторон. А мы вот вынуждены от руки создавать стенные газеты, которые выпускаем раз в месяц, а то и реже. Или сравним нашу печать с американ-

ской! У нас сейчас во всем Советском Союзе меньше 500 газет, с общим тиражем в $2\frac{1}{2}$ миллиона экземпляров. А в Сев. Америке около 20 тысяч газет, с тиражем свыше 250 миллионов экземпляров, т.-е., примерно, в сто раз больше, чем у нас. А ведь население в Соединенных Штатах меньше, чем у нас, миллионов на 20 с лишним! Эти цифры надо всегда иметь перед глазами: о собственной отсталости никогда забывать нельзя. В том-то и состоит, между прочим, зловещая сила некультурности, что она усыпляет сознание, а нам нужно иметь сознание всегда бодрствующее. Только тогда мы одолеем всех врагов и в том числе самого могущественного — нашу некультурность!

О критике и обличениях.

В заключение я еще раз хотел бы сказать о критике и обличениях всяческих наших непорядков. Это одновременно и легкое и трудное дело. Легкое потому, что непорядков много, искать их не приходится, достаточно оглянуться вокруг себя; а трудное это дело потому, что причины непорядков очень сложны, и не всегда можно их сразу доискаться.

У нас все находится в процессе „налаживания“. Самое словцо это „налаживается“ у нас, как известно, в большом ходу. Владимир Ильич очень не любил этого слова и всегда иронически повторял его: налаживается... стало быть, не налажено, и не известно, когда наладится. Под словом „налаживается“ скрываются нередко и неумелость, и рукосуйство, и ротозейство, но также и трудные внешние условия и всякие нехватки и недостатки. Отделить объективные причины

непорядков от субъективных, беду от вины — очень не легкое дело. Столь же нелегко дать общую оценку положения на заводе, или в школе, или в войсковой части: идет ли дело лучше, велики ли успехи и нужно ли руководителей хвалить или порицать? Можно взять одну и ту же фабрику и, по обследовании ее, дать две прямо противоположные картины: в одном случае перечислить все факты и явления непорядка, неустройства, неразумного использования труда или материала и пр., а таких фактов осталось еще множество! Но можно поступить и иначе: собрать воедино все улучшения, какие достигнуты за последние два-три года, а таких улучшений тоже немало, и если их собрать воедино, закрывши глаза на все прорехи, то получится очень отрадная картина.

Вот почему в наших сложных и трудных переходных условиях инспектору, ревизору, а следовательно и рабкору так легко стать жертвой собственного субъективного пристрастия, собственного критического произвола, а тем более — злой воли. Нужна очень большая вдумчивость, очень большая добросовестность, чтобы удержаться на правильной линии. А когда тот, кого инспектируют или пробирают в печати, видит только, что выводы у инспектирующего основываются на поверхностных впечатлениях и личных пристрастиях, то ясно, что такого рода проверка или проборка не движет вперед, а наоборот — убивает дух и разрушает дело.

Вот этой опасности рабкоры должны избегать, как чумы. Конечно, в своих суждениях и оценке рабкор будет нередко ошибаться: никакое дело не бывает без ошибки, а газетное — меньше, чем всякое другое.

По пристрастия, произвола и безответственности — вот чего не может и не должно быть у рабкора. Борясь с произволом, рабкор сам ни в каком случае не должен становиться источником произвола — в своих симпатиях, оценках и выводах. Чувство ответственности за выполняемую работу должно играть руководящую роль во всей его деятельности. Рабкор — орган общественной совести, который следит, который обличает, который требует, который настаивает. Иначе нельзя! Рабкор написал о беспорядках, и ждет, чтобы их устранили. Но их не всегда устраняют сразу. Вот тут-то и открывается только настоящее поле деятельности для рабкора. Самое простое после неудачи — махнуть рукой. Но рабкор-борец поступает иначе. Он знает, что подметить беспорядок гораздо легче, чем устранить его. Он знает также, что газета действует не сразу, а изо дня в день, повторяя и нажимая. Рабкор пользуется какой-либо новой оказией и по-новому, с новыми обстоятельствами или подробностями, обличает тот же беспорядок. Мало того, он и сам продолжает изучать вопрос, подходя к беспорядку и с той и с другой стороны, чтобы яснее понять, где его корни, и чтобы ударить вернее по главной причине беспорядка. Рабкору нужна выдержка, рабкору, как борцу, нужен характер. И в большой политике мы не сразу все завоевали: мы пережили десятилетия подпольной борьбы, потом 1905 г., потом поражение и опять подполье, потом пришли — 17-й год, февральская революция, гражданская война... Величайшую выдержку проявила наша партия в революционной борьбе и этим победила. Рабкоры должны быть насквозь проникнуты этим духом коммунистической

партии — духом борьбы, выдержки, революционного долга. Рабкор должен быть коммунистом, должен жить не буквой лишь, но и духом учения Ленина, которое есть постоянная критика и самокритика: на-слово не верь, слухами не живи, проверяй цифры, проверяй факты, учись, критикуй, добивайся, борись с произволом и с чувством беззащитности, настаивай, повторяй, расширяй свой идейный захват, иди вперед и толкай вперед других, — только тогда будешь настоящим и подлинным рабкор! (Бурные аплодисменты.)

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ВОСПИТАНИИ ЧЕЛОВЕКА.

(Речь на торжественном заседании в Институте имени Карла Либкнехта
24 июня 1924 года).

Получивши приглашение на торжественное заседание по поводу первого учебного года Института имени Карла Либкнехта, я оказался в затруднительном положении. Работа в нашей Советской Республике чрезвычайно дифференцируется, образуется все большее и большее число отдельных областей и следить не то что за всей, а за одной десятой или за одной сотой этой работы сколько-нибудь внимательно и добросовестно, становится все труднее. Когда приходится высказываться о таком учреждении, как ваш Институт, связанный со школой фабзавуча, с учреждением исключительной важности, то, естественно, находишься в затруднении. Заранее прошу поэтому не ждать доклада о значении и роли вашего Института. Я ограничусь только некоторыми принципиальными соображениями или, вернее сказать, соображениями по поводу тех принципиальных затруднений, которые возникают перед мыслью, когда задумываешься о задачах вашего Института и вообще о задачах воспитания, стремящегося к восстановлению неразрывной связи физического и умственного труда.

Мы учились уже в подготовительном классе школы социализма тому, что главное проклятие капиталисти-

ческого общества состоит в разделении умственного и физического труда. Разделение это началось до капитализма, на первых шагах развития классового общества и культуры; с этого времени труд управления все более связывается с умственным трудом и обслуживается разными категориями умственного труда. Обслуживая производство, умственный труд отделяется от материального производства. Этот процесс проходит через все развитие культуры. Капитализм доводит разделение умственного и физического труда до высшего противоречия, до чрезвычайного напряжения. Капитализм превращает физический труд в постылый автоматический труд, а умственный труд он доводит, на высших его обобщениях, до идеалистической абстракции и до мистической схоластики. Тут как бы есть противоречие. Вы знаете, что схоластика выросла на церковной основе в средние века. Потом еще в недрах старого феодального общества стали развиваться естественные науки, оплодотворившие производство. Таким образом, развитие буржуазного общества тесно связано с развитием естествознания и, следовательно, с борьбой против церковной схоластики. А в то же время, чем больше созревала буржуазия, тем больше она боялась применения методов естествознания к истории, социологии, психологии. В этих областях буржуазная мысль все выше уходила в область идеализма, абстракции и новой схоластики, а затем, чтоб замести следы, стала вносить элементы идеализма и схоластики также и в естествознание. Наука есть часть исторической практики человека; в развитии своем она стремится охватить мир со всех сторон, дать всеобъемлющую ориентировку творческому чело-

веку. Разделение теории и практики не может не быть одним концом разорванной цепи по умственному, другим — по физическому труду. Это мы знаем по первым страницам первых книг о социализме. Там же мы учились тому, что капитализм, доводя это противоречие до высшего напряжения, тем самым подготовил примирение умственного и физического труда, их объединение на началах коллективизма. Наша социалистическая страна стремится к примирению физического и умственного труда, что только и может привести к гармоническому развитию человека. Такова наша программа. Но программа дает на этот счет только общие директивы, там нарисован указательный палец — „вот тебе общее направление пути!“ — но программа не говорит, как достигнуть этого объединения практически, и не может этого сказать, потому что никто не мог да и сейчас не может предвидеть, в каких условиях во всех странах и в каждой отдельной стране, какими путями будет складываться социализм, каково будет состояние хозяйства, какими методами будет воспитываться молодое поколение, именно в смысле сочетания физического и умственного труда. В этой области, как и во многих других, мы пойдем и уже теперь идем путем опытов, поисков, экспериментов, зная только общее направление пути к цели: возможно правильному сочетанию физического и умственного труда. Школа фабзавуча привлекательна тем, что это есть одна из практических попыток частичного разрешения этой колоссальнейшей общественно-воспитательной задачи. Я не хочу этим сказать, что задача уже разрешена или что разрешение совсем близко. Наоборот, я уверен, что нам еще гораздо дальше идти до достижения

цели, чем тот маленький путь, который мы прошли. Если бы мы могли сказать, что через школу фабзавуча мы уже вплотную подошли к сочетанию физического и умственного труда, это значило бы, что мы, примерно, на три четверти, а то и больше, осуществили социализм. Но до этого еще очень и очень далеко. Предпосылкой сочетания физического и умственного труда является уничтожение классового господства. Вчерне мы у себя это сделали, власть находится у нас в руках трудящихся. Но рабочий класс, только взяв власть в свои руки, впервые понял, осознал, насколько мы еще бедны и насколько отстали или, как говорил когда-то русский критик Писарев, насколько мы „бедны и глупы“. Под словом глупость тут нужно понимать просто культурную отсталость, так как от природы мы совсем-совсем не глупы, и подучившись весьма за себя постоим. Рабочий класс для того должен был взять в свои руки власть, чтобы не было политических преград к построению нового общества; но когда он овладел властью, он уперся в другое препятствие: в бедность и некультурность. В этом разница с положением пролетариата передовых капиталистических стран. На его пути — непосредственное препятствие: это буржуазное государство, которое отводит лишь определенную площадь для пролетарской деятельности, ту площадь, которую господствующий класс считает для себя допустимым отвести. Первая задача на Западе — низвергнуть классовое господство, буржуазное государство. Там эту задачу разрешить труднее, чем у нас, ибо буржуазное государство там сильнее, чем у нас. Но, низвергнув классовое государство, западный пролетариат окажется в отношении культурного твор-

чества в обстановке более благоприятной, чем мы. Если сейчас мы забежали на несколько лет вперед, то это еще вовсе не значит, что в царство социализма мы придем раньше, чем английский или германский пролетариат. Нет, это не доказано. На пути к царству социализма есть несколько окопов или несколько баррикад. Мы первую баррикаду — политическую — взяли раньше, но вполне возможно, что они нас догонят на второй или третьей баррикаде. Хозяйство, производство, это — самая трудная баррикада, и только когда мы ее возьмем, когда поднимем производительные силы социализма, тогда исчезнет проклятое различие между „рабочим“ и „интеллигентом“, являющееся результатом того, что умственный труд отделен от физического. Отнюдь не исключено, а, наоборот, весьма вероятно, что германский пролетариат, если он — я говорю примерно — года через три возьмет власть в свои руки, двумя-тремя прыжками не только догонит, но и перегонит нас, потому что „наследственная“ материальная база для культурного творчества у него гораздо богаче, чем у нас. Сейчас рабочий класс Германии движется по асфальту, но руки и ноги у него связаны классовым рабством. Мы шагаем по рытвинам, по оврагам, а ноги у нас свободны. Вот этим, товарищи, характеризуется наше отличие от европейского пролетариата. Под ярмом капитала он сейчас бессилен даже и приступить к разрешению вопроса о физическом и умственном труде. Власть не у него. А государственная власть, это — материальная возможность и формальное право сказать подчиненному классу: вот, до этой черты ты имеешь право идти, а дальше не смеешь, — как мы, господствующий класс у себя, говорим нап-

ману. Мы сами себе указ, но как под ноги поглядим,—там лужи, ямы, канавы разные, вот мы и ковыляем и спотыкаемся, двигаемся медленно. Европейский же пролетариат, освобожденный от оков на руках и на ногах, нас обгонит, и мы будем это, разумеется, приветствовать, ибо он и нам поможет довести дело до конца. Я это говорю к тому, что мы одними собственными педагогическими мерами не разрешим до конца и полностью основные задачи социалистического воспитания и слияния физического труда с умственным; но если мы сделаем на этом пути ряд опытов и достигнем частичных успехов, то это будет уже громадным плюсом и для нас и для европейского пролетариата, который поможет развернуть эти частичные успехи в более широком масштабе. Тем энергичнее, тем настойчивее, тем упорнее мы должны работать на этом пути.

В области педагогики, т.-е. в области сознательной обработки человека, люди учились, пожалуй, еще более вслепую, чем в других областях. Общественная жизнь человека слагалась, как вы знаете, стихийно. Человеческий разум стал прорабатывать, продумывать общественную жизнь не сразу. Крестьянское производство, крестьянская семья, церковный быт, „патриархально“-монархические формы государства слагались за спиной людей незаметно, столетиями, тысячелетиями. Только на известном уровне и особенно с появлением естественных наук, люди [начинают] сознательно, не по старинке, а по плану, по замыслу строить производство (не в общественном, разумеется, а в частном масштабе). Потом начинают критиковать сословный строй, королевскую власть, требуют равенства, демократии. Демократия означает приложение разума

молодой и свежей еще буржуазии к делу построения государства. Таким образом критическая мысль с вопросов естествознания и техники переносится на государство. Но социальные отношения в широком смысле продолжают, под господством буржуазии, складываться стихийно. Пролетариат стихийно восстает против капиталистической стихийности. Затем возникает сознательная критика. На этом строится теория социализма. Что такое социалистическое строительство? Это есть хозяйственное строительство по разуму, уже не в пределах предприятия или треста только, как при господстве буржуазии, но в пределах общества, а затем и всего человечества. В социализме мы имеем применение научной мысли к построению человеческого общества. Как раньше буржуазия „по разуму“ строила фабрики, по разуму (буржуазному) построила свое государство, так рабочий класс говорит: „я по разуму построю всю общественную жизнь сверху донизу“.

Но и сам человек есть стихия. Только постепенно он прилагает критику разума к себе самому. Педагогическое воздействие на человека шло, как сказано, вслепую. Только при социалистическом строе будут созданы условия для научного подхода к человеку. А он в таком подходе нуждается. Ибо что такое человек? Это отнюдь не законченное и не гармоническое существо. Нет, это существо еще весьма нескладное. В нем есть не только отросток слепой кишки, который ни к чему не нужен,—только аппендицит от него происходит,—если взять психику человека, то таких ненужных „отростков“, от которых происходят всякие заболевания, всякие духовные аппендициты, у него сколько угодно. Человек, как животный вид, развивался

в естественных условиях, не по плану, а стихийно, и накопил в самом себе много противоречий. Одно из таких тяжелых противоречий, не только общественных, но и физиологических, выражается в половом вопросе, который болезненно отражается на молодежи. Вопрос о том, как воспитать и урегулировать, как улучшить и „достроить“ физическую и духовную природу человека, является колоссальной проблемой, серьезная работа над которой мыслима только на основах социализма. Мы можем провести через всю Сахару железную дорогу, построить Эйфелеву башню и разговаривать с Нью-Йорком без проволоки, а человека улучшить неужели же не сможем? Нет, сможем! Выпустить новое, „улучшенное издание“ человека — это и есть дальнейшая задача коммунизма. А для этого нужно первым делом человека знать со всех сторон, знать его анатомию, его физиологию и ту часть физиологии, которая называется психологией. Пошляки-мещане говорят, что социализм, это — строй полного застоя. Вздор, тупоумнейший вздор! Только с социализма и начнется настоящее движение вперед. Человек взглянет впервые на себя самого, как на сырой материал, или, в лучшем случае, как на полуфабрикат, и скажет: „Добрался я, наконец, до тебя, многоуважаемый *homo sapiens* ¹⁾, теперь возьму я тебя, любезный, в работу!“. При помощи самых разнообразных комбинированных средств усовершенствовать организм человека, урегулировать кровообращение, утоньшить нервную систему и в то же время закалить, укрепить

¹⁾ *Homo sapiens* — „человек разумный“, определение человека, как животного вида.

организм, сделать его гибче и выносливее, — вот гигантская и какая заманчивая задача!

Но это, конечно, музыка будущего. Нам с вами нужно закладывать первые камни в фундамент социалистического общества. Краеугольный же камень — это повышение производительности труда. Только на этой основе может развернуться социализм. Ибо каждый новый общественный строй побеждает тем, что повышает производительность человеческого труда. Мы только тогда сможем говорить о действительной, полной и несокрушимой победе социализма, когда единица человеческой силы даст нам больше продуктов, чем при господстве частной собственности. Один из важнейших путей к этому — воспитание культурного, квалифицированного рабочего. У нас сейчас это воспитание идет через школу фабзавуча. В какой мере эти школы разрешают свою задачу подготовки производственной „смены“? На этот вопрос я отвечать не берусь. Тут нужна серьезная проверка опыта. Но будем помнить твердо, что от разрешения этого вопроса зависит судьба нашего хозяйства, а значит и государства.

Воспитание квалифицированных рабочих есть одна сторона дела; воспитание граждан — другая. Социалистической Республике нужны не автоматы физического труда, а сознательные строители. Культурный человек рабоче-крестьянской страны, кто бы он ни был по профессии, узкой или широкой специальности, но в одной области он должен быть вооружен. Это область общественная. Ничто так не ограждает от принижающего влияния специализации, как марксистский метод, как ленинизм, т.-е. метод понимания условий общества,

в котором ты живешь, и метод воздействия на эти условия. Когда мы пытаемся разобраться во взаимоотношении государств, у нас опять-таки есть тот же метод марксизма-ленинизма. Без понимания связи частного и общего нет культурного человека. Основная особенность мещанского мышления состоит в том, что оно обособлено в своей узкой сфере, замкнуто в своей камерке. Есть ученые мещане-интеллигенты, которые, хотя бы написали ученые книги толщиной в тысячи страниц, продолжают рассматривать вопросы изолированно, сами по себе, вне связи, и потому остаются ограниченными мещанами. Надо уметь брать каждый вопрос в его развитии и в его связи с другими вопросами, тогда гарантия правильности выводов будет гораздо больше. Эту гарантию дает только марксова школа. И потому, какова бы ни была специализация, но прохождение через школу ленинизма является обязательным для каждого культурного работника и особенно для каждого будущего педагога.

Школа ленинизма есть школа революционного действия. Я—гражданин первой в мире рабоче-крестьянской Республики,—вот это сознание есть предпосылка всего остального. А для нас это сознание—завет самосохранения. Мы были бы утопистами, жалкими мечтателями, или сонными пошляками, если бы стали думать, что нам обеспечено на вечные времена мирное развитие к социализму. Ни в каком случае! Нам в международном смысле стало легче, это бесспорно. Но думаете ли вы, товарищи, что чем больше будет развиваться коммунистическое движение в Европе, тем больше мы будем обеспечены от опасностей войны? Кто так думает, тот ошибается. Здесь нужен

диалектический подход. До тех пор, пока коммунистическая партия более или менее опасна, но еще не страшна, буржуазия, остерегаясь давать ей пищу, будет искать перемирия с нами; но когда коммунистическая партия данной страны станет угрожающей силой, когда вода станет подходить под горло буржуазии, тогда возрастет опасность и для нас. Недаром Владимир Ильич предупреждал, что нам еще предстоит пройти через новый взрыв бешеной ненависти мирового капитала против нас. Конечно, если бы мы были изолированным или единственным на свете государством, то, после завоевания власти, мы создавали бы мирным путем здание социализма. Но мы только частица мира, причем мир, нас окружающий, пока еще мощнее нас. Буржуазия не сдаст своих позиций без жестоких боев, гораздо более жестоких, чем те, через которые мы уже прошли. Бои со стороны буржуазии примут снова свирепый характер, когда коммунистическая партия станет перерастать через голову буржуазии. Было бы поэтому непростительным легкомыслием думать, что мы перейдем к социализму без войн и потрясений. Нет, этого нам не дадут. Драться придется. А для этого нужен закал, воспитание в духе революционного мужества. Нужно, товарищи, чтобы то имя, которое написано на стенах вашего Института—имя Карла Либкнехта—было написано недаром. Я имел счастье знать Либкнехта в течение, примерно, двадцати лет. Это один из самых прекрасных человеческих образов, который живет в моей памяти. Либкнехт был подлинным рыцарем революционного долга. Он не знал в жизни другого закона, кроме закона борьбы за социализм. Лучшая молодежь Германии

давно уже связывала свои лучшие надежды, мысли и переживания с образом Карла Либкнехта, бесстрашного рыцаря пролетарской революции. Воспитание в революционном долге и есть воспитание в духе Карла Либкнехта. Будем помнить: нам придется пройти еще через величайшие трудности. Будем готовы встретить их грудью. А для этого нужно, чтобы каждый из вас, покидая стены этого учебного заведения, имел право сказать себе: Институт Карла Либкнехта сделал меня не только педагогом, но и революционным борцом! (Аплодисменты.)

ЛЕНИНИЗМ И БИБЛИОТЕЧНАЯ РАБОТА

(Речь на 1-ом Всесоюзном съезде библиотекарей 3 июля 1924 г.).

Товарищи, позвольте прежде всего приветствовать ваш съезд, как первый советский съезд работников библиотечного дела. Съезд этот, созданный Главполитпросветом, имеет для нашей страны совсем особое значение. Библиотекарь у нас, — это знает всякий, кто читал сказанное по этому вопросу Владимиром Ильичем, — библиотекарь у нас не есть чиновник от книги, а библиотекарь есть, должен быть, должен стать культурным борцом, красноармейцем социалистической культуры. Именно такой съезд воинов социалистической культуры я и приветствую от всей души! (Аплодисменты.)

Товарищи, едва начав, я уже дважды или трижды употребил слово „культура“. Что же это такое — культура? Культура есть совокупность знания и умения, — всего знания и всего умения, накопленного человечеством за всю свою предшествовавшую историю. Знание для умения! Знание всего того, что нас окружает, для того, чтобы уметь изменить то, что нас окружает, — изменить в интересах человека. Разумеется, существуют на свете определения науки и культуры совсем другие, идеалистические, отвлечен-

ные, высокопарные, насквозь лживые, связанные с „вечными истинами“ и прочей мишурой. Все это мы отмечаем. Мы приемлем конкретно - историческое, материалистическое определение культуры, которому нас учит марксизм-ленинизм. Культура есть сочетание умения и знания исторического человечества (народов, классов). Знание вырастает из практики человека, из его борьбы с силами природы; знание служит для улучшения этой практики, для расширения способов борьбы со всякими препятствиями, для повышения могущества человека. Если мы так оценим понятие культуры, то нам легче будет уразуметь, что такое ленинизм. Ибо ленинизм есть тоже знание и умение — и тоже знание не для знания, а для умения. В этом смысле, и не только в этом, ленинизм является выводом и высшим увенчанием всей предшествующей культуры человека. Ленинизм есть знание того (и умение), как культуру, т.-е. все накопленное в предшествующие века знание и умение, повернуть в интересах трудящихся масс. Вот что такое в основе своей ленинизм. У человечества есть огромные завоевания во всех областях. Если б не было их, нельзя было бы и говорить о коммунизме. Самым основным из этих завоеваний является техника — опять-таки знание и умение, направленные для непосредственной борьбы с силами природы, для подчинения их человеку. На основе техники вырастают классы, государство, право, наука, искусство, философия и пр. и пр. — целая иерархия приемов и методов знания и умения. Многие из этих областей и методов культуры полезны человеку вообще, поскольку они подчиняют ему природу. Но есть среди знаний и умений такие — и их не мало, —

которые полезны только эксплуататорскому классу, т.-е. имеют совершенно специальную цель: поддерживать эксплуатацию, украшать ее, прикрывать, маскировать, — и, следовательно, должны быть отброшены в дальнейшем развитии человечества. В частности, мы отметем, как я уже сказал, идеалистически-высокопарное, полурелигиозное истолкование культуры, которое также вырастает из классового господства и служит для прикрития того факта, что культура составляет монополию имущих, служит, в первую голову, для услаждения господствующего класса. Ленинизм состоит в смело-революционном и в то же время глубоко деловом подходе к культуре: он учит рабочий класс выделять из гигантских накоплений культуры то, что рабочему классу нужнее всего сегодня для его социального освобождения и для переустройства общества на новых началах. Ленинизм есть знание строения общества и его развития и умение ориентироваться в исторической обстановке каждого данного часа, дабы правильно и умело, как можно глубже, воздействовать на среду, на общественную жизнь в интересах пролетарской революции — в странах капитализма, в интересах социалистического строительства — у нас. Такова сущность ленинизма. Эту сущность должен понять и претворить в себе каждый учитель, каждый рабкор, каждый ликвидатор неграмотности, каждый библиотекарь, если они хотят быть не просто чиновниками советского государства, а сознательными работниками культуры, которые должны с книгой, статьей, газетой проникать все глубже и глубже в массы, как уголек с киркой проникает во все более и более глубокие пласты угля.

В этом смысле надо сказать, что всякая работа, которую мы сейчас выполняем в области хозяйства и просвещения, как бы частична эта работа ни была, может и должна входит в рамки ленинского метода ориентировки в данных условиях и ленинского метода воздействия на эти условия. Основная задача нашего государства, в котором у власти стоит рабочий класс, поддерживаемый всем, что есть сознательно-мыслящего среди нашего многомиллионного крестьянства, заключается в использовании всех завоеваний культуры для материального и духовного подъема масс. Наша страна представляет собой ныне государственно-организованный ленинизм. Это первый такого рода гигантский опыт в истории, совершаемый не кружковым путем, не в подполье, как нам приходилось бороться в свое время, не в виде революционных партий, борющихся за власть, как это сейчас происходит в капиталистических странах, а в виде государственной организации, применяющей метод марксизма-ленинизма для того, чтобы использовать всю накопленную культуру в целях переустройства общества на социалистических основах.

Когда мы это государство под руководством Владимира Ильича создавали и общими усилиями создали вчерне, то тут мы только впервые прощупали настоящим образом, насколько мы отстали, насколько мы мало культурны. И элементарнейшие культурные задачи встали перед нами во всем своем объеме и во всей своей конкретности.

Можно спросить, — меня об этом недавно спрашивали, — чем же объяснить, что в нашей культурно-отсталой стране коммунистическая партия управляет государством, тогда как в высококультурных странах,

как, например, в Англии, она представляет пока еще очень слабую величину. На вопрос этот я ответил в другом докладе ¹⁾. Здесь скажу лишь самое необходимое. При поверхностном, беглом взгляде на вопрос может получиться то впечатление, что коммунизм как будто находится в обратно пропорциональном отношении к культурному уровню страны, т.-е., чем выше культурный уровень, тем слабее коммунизм, и наоборот. Конечно, если бы этот вывод был верен, то он означал бы смертный приговор для коммунизма, ибо коммунизм непримиримо враждебен толстовскому и всякому иному отрицанию культуры: его судьба целиком связана с судьбой культуры. „Вот вопрос, который мучит нас“ — писала мне учительница, и можно понять психологию интеллигента, подходящего постепенно, с сомнениями и колебаниями, к коммунизму и мучащегося вопросом о взаимоотношении между коммунизмом и культурой. Но и здесь, товарищи, именно ленинизм, т.-е. теоретическое обобщение и практический метод того же коммунизма, дает нам ключ к пониманию этого противоречия. Почему мы раньше овладели властью в России, мы, коммунисты? Потому, что имели более слабого врага — буржуазию. Чем она была слаба? Она была не так богата и не так культурна, как английская буржуазия, располагающая гигантскими накоплениями, и денежными и культурными, а также гигантским опытом обработки и политического подчинения народных масс, что дало ей возможность надолго, как указывает опыт, задержать классовое пробуждение и политическое самоопределение проле-

¹⁾ См. Л. Троцкий, Запад и Восток, II-во, «Красная Новь», 1924, стр. 108 слл.

тариата. Если мы оказались временно, — а мы оказались, это можно признать и без комчванства, — дальновиднее, крепче, умнее рабочих партий передовых стран, то не своим только российским умом, а опытом рабочего класса всего мира, обобщенным теорией марксизма, теорией и практикой ленинизма. Но почему именно мы этот опыт обобщили и претворили в дело? Потому, что над нами не было гипноза могущественной буржуазной культуры. В этом было наше революционное преимущество. Наша буржуазия была таким жалким историческим последышем, что все большое, все крупное во всех классах за последние десятилетия тяготело не к буржуазии, а к трудящимся. Чернышевский был не с буржуазией, а с крестьянством и с рабочим классом, поскольку его отличали от крестьянства. Величайший человек, созданный новой историей — Ленин, — возглавил у нас не мелко-буржуазных якобинцев, как было бы с ним, если бы он родился в XVIII столетии во Франции, а революционный пролетариат. Таким образом, исторически запоздалый, жалкий, выморочный характер нашей буржуазии обусловил большую независимость и отвагу, большую широту размаха авангарда рабочего класса. Но когда, благодаря этому, мы оказались первыми у власти и просмотрели наследство, которое мы получили от царизма и побежденной буржуазии, то оказалось, что наследство это в высшей степени скудное. Конечно, мы и раньше знали, до революции, что наша страна отсталая, но практически мы это прощупали как следует быть только после завоевания власти, после Октября. А как обстоит на этот счет дело в Европе? В Европе пролетариату несравненно

труднее прийти к власти, ибо враг сильнее, но, когда он придет к власти, ему будет несравненно легче строить социализм, ибо он получит гораздо большее наследство. Большая культура, более высокая техника, — они в конце концов скажутся. Если мы раньше пришли к власти, чем английский пролетариат, то этим еще вовсе не сказано, что мы раньше придем к полному социализму, а тем более к коммунизму, чем английский пролетариат. Нет, в плоскости политики мы, благодаря историческим особенностям нашего развития, опередили рабочий класс всех других стран, но уперлись затем в собственную культурную отсталость и вынуждены двигаться вперед медленно, по вершочкам. Когда английские рабочие придут к подлинной власти, не в виде меньшевистского правительства Макдональда, а к диктатуре пролетариата? Будет ли это через 5 лет или через 10 лет, предсказывать трудно. Ну, а сколько нам еще нужно времени для того, чтобы обучить все население грамоте и обеспечить его книгой и газетой? У нас неграмотного взрослого населения в европейской части нашего Союза значительно больше половины, кажется, около 57%. Я вот недавно читал, что в Москве 20% неграмотного взрослого населения, значит — $\frac{1}{5}$ часть. Будем об этом помнить твердо! У нас в Москве заседает сейчас — и в этом наша гордость! — V Конгресс Коммунистического Интернационала, приезжают к нам лучшие борцы всего мира учиться — и есть чему учиться в школе Ленина! — а в то же время идешь по московской улице, видишь: 5 человек прошло, и говоришь себе: в среднем один среди них безграмотный. Вот наша революция со всеми своими

противоречиями! Можно выразиться образно так. У европейского пролетариата под ногами почва культурная, ну, скажем, асфальт сплошной. Но хозяин европейской улицы — буржуазия. Она проводит на этом асфальте мелом черту (буржуазная законность!) и говорит: вот здесь имеешь право ходить, а здесь нельзя. И там, где нельзя, это раз в 90 или в 99 больше, чем там, где можно. Ничего не поделаешь: у нее власть, своя рука — владыка. Кроме того, у рабочего класса капиталистических стран и ноги-то изрядно связаны (полиция, суды, тюрьмы), чтобы не переходил запретной черты. Итак: под ногами — асфальт, но ноги связаны, и пути заказаны. Мы в этом смысле свободны. Власть у нас в руках рабочего класса. Нет такой меры в интересах трудящихся, в области ли хозяйства или культуры, нет такой меры, которой мы не смели бы провести. Мы все смеем. Над нами хозяина нет. Упираемся мы только в отсталость и недостаток средств. Ноги у нас свободны, не связаны; мелом нам дороги никто не предписывает, но под ногами у нас не асфальт, а проселок, да еще пересеченный оврагами и лужами. Ясное дело, что скорость нашего пути в первые годы не может быть большой. Работа наша должна быть архи-упорной. А тем временем, глядишь, и английский пролетариат ноги-то себе развязал. Раз он буржуазию сбросил, пути ему открыты. А под ногами у него асфальт. Поэтому лет через 15—20, — конечно, сроки я называю лишь примерные, — этот самый английский пролетариат, консерватизм которого мы ныне браним столь часто и вполне основательно, — глядишь, он нас в области социалистиче-

ского строительства опередил. Мы, конечно, в обиде несколько не будем. Сделайте ваше одолжение, опережайте, мы давно дожидаемся, и вы и мы только выиграем. (Смех. Аплодисменты.) Я, товарищи, говорю об этом уж конечно не затем, чтобы обескураживать вас и самого себя громадностью задач, которые стоят перед нами, а для того, чтобы методом ленинизма объяснить противоречия между нашими политическими достижениями и нашими сегодняшними культурно-хозяйственными возможностями. Понять эти противоречия значит найти путь к их устранению. Будем помнить, что в ленинизме знание есть всегда кратчайший путь к умению.

Противоречия между лозунгами и реальными возможностями мы нащупываем сплошь и рядом, на каждом шагу. Но путь наш не в отказе от лозунгов, т.-е. от принципиальных задач, вытекающих из Октября, а в систематическом, упорном, неутомимом расширении наших хозяйственно-культурных возможностей. Наша бедность диктует нам в области культурной работы строго деловой, хозяйственный, расчетливый, почти что спартанский подход: экономия, строгий отбор, целесообразность.

Это относится, в первую голову, к газете и книге. Возьмем юбилейную выставку Госиздата. Когда я посетил ее, я по чистой совести мог сказать: есть что похвалить, успехи сделаны большие за эти 5 лет! Если взять книжку 1918 года, нередко случайную по содержанию, наспех написанную, кое-как напечатанную, на серой бумаге, с огромным количеством опечаток, не сброшюрованную, не сшитую и т. д. и для сравнения взять на выбор одну из сегодняшних

книг, куда более тщательно сработанных, сплошь да рядом в кокетливой обложке, непременно литографской, а не типографской (пожалуй, уж роскошь!), то прогресс обнаружится огромный. Но все это, однако, можно назвать только гаммами, экзерсисами, упражнениями, а не настоящей игрой на издательском инструменте. И, надо надеяться, Госиздат сам это понимает. Тираж книги у нас пока еще совершенно ничтожен по сравнению с потребностями страны. Отбора книги, безусловно и абсолютно нужной нам, мы еще произвести не успели. Нам здесь нужно держать основной наш курс не столько на большое количество названий, сколько на большой тираж минимума книг, безусловно необходимых для читателя, которого мы имеем в виду. Эти книги нужно создать или выделить из числа уже созданных. Произвести такой отбор — это огромная работа, которую можно совершить только коллективно, опираясь на опыт школ, курсов, библиотек, исправляя и улучшая наличные книги, предъявляя спрос на такие улучшения или дополнения... Тираж нашей основной книги, т.-е. такой, которая особенно нужна рабоче-крестьянской республике, должен быть соответственный: 100.000, 500 000, 1.000.000, а затем все более и более. Этот тираж и будет лучшим мерилем успехов нашей культурной работы.

Мы печатаем, если я не ошибаюсь, пока лишь около 3 миллионов экземпляров газет в день, считая все наши газеты, — величина совершенно ничтожная по сравнению с нашими гигантскими задачами и даже с наличными потребностями страны. И вот здесь государственный, централизованный подход — при

условии активности мест — может оказать огромную услугу делу правильного отбора и распределения необходимой для трудящихся масс газеты и книги. Нужно при этом ни на минуту не забывать свойств нашего массового читателя: у него нет еще читательского знания и умения, — знания, какая книга ему нужна, умения эту книгу найти. А так как наш читатель не умеет найти свою книгу, то наша книга должна уметь найти своего читателя. Это задача библиотекаря! В центре просветительной работы нам придется надолго еще поставить газету, как потому, что мы еще не можем отказаться и долго не сможем отказаться от потребности в политической ориентировке, ибо мы окружены капиталистическими странами и пролетарская революция еще вся впереди, — так и потому, что в данной обстановке, в данных культурных условиях, при данных ресурсах, газета является наиболее нам доступным и наиболее широко захватывающим просветительным орудием вообще. Вокруг газеты можно и должно строить целую систему культурно-политического, воспитательного и просветительного воздействия. Газета, конечно, не как орган, рассказывающий о том, о сем, а газета, как рабочий инструмент просвещения, как орудие знания и умения, как непосредственное, повседневное, практическое выражение ленинизма в политическом и хозяйственно-воспитательном действии. Такими стремятся быть наши газеты. Этим они еще далеко не являются. Этим они должны стать. Этим они могут стать, только опираясь на десятки тысяч, а впоследствии и на сотни тысяч библиотек, читален, „изб“ и прочих культурно-просветительных ячеек на местах, которые

не только воспринимают газету сверху вниз, но и учатся и умеют напирать на газету снизу вверх. Это очень большая и важная задача. Но для этого необходимо газету поставить так, чтобы она была подлинным орудием повседневного или хотя бы еженедельного (в ближайшее время) воздействия, инструментом согласованных просветительных усилий.

Подойдем к вопросу поближе. Сейчас у нас выдвигается на переднее место в культурно-просветительной работе, — я говорю о деревне, — изба-читальня. Если в центре „избы“ должна быть поставлена газета, то на стене этой избы должна быть политическая карта. Без этого газета — не газета. Пропаганду в пользу политико-географических карт я веду уже давно, но пока еще с недостаточным успехом. Может быть, библиотечный съезд поддержит мою инициативу в этом направлении. (Аплодисменты.) Товарищи, газета не только для крестьянина, но и для рабочего или работницы слепа, когда географические термины представляют для них только звук, когда они не знают и не представляют себе и не думали о том, как себе представить размеры и взаимное расположение Франции, Англии, Германии, Америки. Разумеется, можно подбодрить или побудить деревенский комсомол или сельский сход пропеть „Интернационал“ и послать приветствие V Конгрессу Коминтерна. Это мы делаем великолепно, почти автоматически. (Смех.) Но, товарищи, надо, чтобы крестьяне и рабочие, которые посылают привет, по возможности конкретно представляли себе: что это за Коминтерн, от каких стран, где эти страны — хоть немного, хоть на-глаз. Надо, чтобы, читая или слушая телеграмму, они представляли себе, к какой живой части

нашей планеты эта телеграмма относится. И если изодня в день или пока хоть раз в неделю в этой самой избе-библиотеке при чтении, при разъяснении газеты, библиотекарь или „избач“ (так как теперь это чудное слово вошло в обиход, то ничего не поделаешь, придется его так и записать в свой словарь),—если, говорю, он потычет в карту пальцем, объясняя телеграмму, он будет уж этим одним делать подлинно культурное дело, ибо телеграмма эта, с показом на карте, сядет уже в мозгу совсем иначе, прочнее, увереннее. Ведь это целая эпоха в личном развитии читателя, когда он начинает представлять себе, что такое Англия,—это, мол, остров, от Европы отделенный,—ему тогда сразу станут понятнее торговые и политические отношения Англии, определяющиеся ее мировым положением. Впрочем, извиняюсь, вам-то не нужно говорить о пользе географии, но должен сказать, что кое-каким нашим учреждениям, может быть, не бесполезно это повторить. (Смех.) Тут нужен напор и напор. Я бы не хотел, однако, быть ложно понятым. Я ни в каком случае не хотел бы односторонне валить ответственность на Госиздат. У нас и Госиздат и все другие издательства теперь на хозрасчете, т.-е. издают то, что может иметь в данных условиях спрос, и здесь обнаруженная воля потребителя играет немалую роль. А потребитель—это библиотека, читальня. Можно отказаться от десятка книжек, которые иногда разными словами, и притом довольно неряшливо, рассказывают одно и то же. Таких неряшливых книжек на тему дня у нас появляется неведомое количество. Можно вполне отказаться от них, при условии строгого отбора, в пользу географической карты, которая, бу-

лучи повешена на стене, висит и учит в течение ряда месяцев, а может быть и лет. Я справлялся, например, перед этим докладом везде, где можно, есть ли у нас справочник по газете, справочник, который способен помочь разобраться в газете. Оказалось, что нет такого. Я не знаю, была ли у вас на съезде об этом речь. А вопрос заслуживает внимания. Мне прислали ряд периодических изданий, где есть отдельные статейки о том, как пользоваться газетой. Некоторые из них очень полезны для руководителей этого дела, но это совсем не то, что я имею в виду,— это общие методологические указания, — но делового справочника, который можно было бы в этой самой „избе“ или библиотеке положить под картой на столшке, где лежат газеты, справочника, который давал бы основные географические, экономические, статистические и иные указания, отчетливо выраженные и доступные всякому грамотному читателю,—такого справочника нет. Что это значит? Это значит, гг. библиотекари, что вами не организовано еще давление читателя снизу на писателя и на издателя.

Товарищи, у нас просветительная работа монополизирована в руках государства и его руководящей — коммунистической партии. Может ли быть иначе? В условиях революции, в условиях диктатуры пролетариата всякое отступление от монополии просвещения трудящихся масс было бы гибелью. (Аплодисменты.) В то время как буржуазия, располагающая могущественными средствами во всем мире, беспощадно удаляет каждого отдельного учителя-коммуниста, мы, руководители единственного в мире рабочего государства, окруженного врагами, были бы просто

слепцами или юродивыми, если бы открыли доступ к просветительной работе представителям буржуазного мирозерцания. Монополию просветительной работы мы закрепим полностью и безусловно до того времени, когда рабочий класс и крестьянство вместе со своей руководительницей — коммунистической партией — растворятся в социалистическом общежитии, составляющем часть мировой советской республики, чего завтра еще не будет, но что будет после-завтра или послезавтра. А до того времени монополию как власти, так и просветительной работы, которая есть идейная основа власти, нужно сохранить в руках рабочего государства и его руководительницы — коммунистической партии. (Аплодисменты.) Но в то же время, товарищи, мы — достаточно трезвые политики, чтобы знать и понимать, что монополия просвещения имеет свои минусы, свои отрицательные стороны, свои опасности. Монополия просвещения, при неправильной постановке, способна порождать казенщину, рутину. В чем признак казенщины? В том, что это форма без содержания. В чем опасность ее? В том, что жизнь направляется в обход ее. Как парализовать опасность казенщины? Организованным и всегда живым давлением потребителя просвещения, т.-е. низов. И вот здесь роль библиотекаря, роль руководителя „избы“, вообще роль низовых работников в области культуры является решающей. Тут сверху мы ведем пропаганду в пользу географических карт, а их не дают. Почему? Потому, что не требуют. А если с низов, из тысячи, двух тысяч, трех тысяч библиотек и „изб“ раздастся крик: „Дашь карту!“ — Госиздат даст (аплодисменты) и даст по сходной цене.

Это относится и к книге. Все ли книги, которые мы издаем, жизненны и нужны, как хлеб? Я уж говорил об этом: только одна десятая нужна безусловно. Почему это? Потому, что наша издательская работа в огромной степени еще идет по линии старой инерции, старых интересов, старой психологии, старых навыков, старого читателя, а до настоящего массового читателя мы еле-еле добираемся. Опять-таки по нашей несовершенной статистике выходит, что на одного грамотного крестьянина в библиотеках (если я ошибаюсь, меня поправят те, которые лучше дело знают) приходится чуть ли не $\frac{3}{4}$ книги,— $\frac{3}{4}$ книги на одного грамотного крестьянина в библиотеках!

Н. К. Крупская. Меньше.

Троцкий Извиняюсь в таком случае за свою чрезмерно оптимистическую статистику. Совершенно ясно, что при таком положении дел отобрать из десятка книжек, где девять более или менее нужны,—притом скорее менее, чем более,—отобрать одну, лучшую и наиболее нужную, и издать ее в удесятеренном количестве экземпляров—это уже само по себе означает огромное культурное завоевание. Почему? Потому, что 10 книжек, примерно однородных или близких друг к другу или представляющих лишь некоторые второстепенные оттенки, будут прочитаны или только перелистаны одним и тем же читателем, который, с позволения сказать, обожрался этой самой литературой. А если вместо этих десяти разных книжек издать одну, но удесятерить тираж, то она дойдет до такого читателя, который испытывает подлинный голод и подлинную жажду в чтении и знании. Но и здесь, как говорится, мертвый хватает живого. Из

этой инерции издательской работы очень трудно вытащить себя самих за волосы. Подслушать массу, подслушать, что она думает, чего она хочет, понять все это, перескочивши мыслью через всех тех, которые бюрократически думают за массу, но не прислушиваются к ней,—на это нужна ленинская голова. Вы теперь имеете возможность прочесть все, что писал Ленин. Советую вам—это очень полезно!—специально отчеркнуть в этих книгах те места, где он подслушивал массу, чего она хочет, что ей нужно,—не только, чего она хочет, но чего не научилась еще хотеть... Уметь подслушивать все индивидуальным ухом — это дано людям, которые рождаются раз в века. Но организовано, коллективно подслушивать массу можно через большой, разветвленный, гибкий и живой аппарат, который активно обслуживает материальные и духовные потребности массы,—и тот библиотечный работник не есть библиотечный работник социалистической страны, кто просто заведует полкой с книгами, если он при этом не подслушивает запросов своего читателя и не является органом для передачи того, что подслушал, наверх — для давления на писателя и на издателя. Это есть важнейшая работа нового советского социалистического библиотечного работника. (Аплодисменты.)

С намеченными задачами сочетаются, естественно, и многие другие. Основное противоречие нашего положения: власть в руках трудящихся, но трудящиеся еще далеко не овладели самой элементарной культурой. Отсюда противоречия. Равноправие мужчины и женщины у нас полное. Но для того, чтобы добраться женщине до тех реальных возможностей, какие имеет у нас даже теперь, при нашей бедности,

мужчина, женщине нужно хотя бы уравниаться в грамотности с мужчиной. „Женский вопрос“ у нас означает поэтому, прежде всего, борьбу с женской безграмотностью. Из-за низкой культурности многие декреты остаются на бумаге. Есть ли у нас произвол в стране? Есть, и в большом количестве. Из чего он вырастает? Не из условий классового господства, а из культурного бессилия, из неграмотности, из чувства незащищенности, которое корнем своим имеет опять-таки неспособность разобраться, прочитать, пожаловаться, обратиться куда следует. И вот здесь опять-таки одной из основных задач той же самой деревенской избы-читальни и деревенской библиотеки является ведение беспощадной борьбы против этого чувства незащищенности. Библиотекарю можно и должно пожаловаться. Я нашел на этот счет интересную цитату у Владимира Ильича: он предлагал при библиотеке заводить бюро жалоб. На первый взгляд это кажется парадоксом, как бы не у места, а между тем и здесь подслушана психология трудящихся масс. Кто из крестьян, из рабочих пробудился настолько, что его тянет к библиотеке, для того библиотека есть источник чего-то более высокого—и познания, и справедливости. Устройте при библиотеке бюро жалоб, создайте обстановку, при которой каждый крестьянин или крестьянка, и в первую голову тот или та, кто боится советского чиновника, считали бы, что к библиотекарю, к „пзбачу“ можно пойти, он не подведет, не напакостят, а посоветует, или в газете напишет, огласит, защитит. Убить чувство незащищенности в придавленном веками трудовом рабочем человеке—значит тем самым убить произвол, а произвол, разумеется,

несовместим с тем режимом, который мы строим и который еще далеко не достроили

В этой своей работе библиотека стянет к себе все лучшие силы деревни, на них будет опираться, через них проводить свое влияние. В связи с этим я хотел бы особо просить библиотечных работников обратить большое внимание на демобилизованных красноармейцев. Они могут стать в деревне носителями коллективных форм хозяйства и проводниками культурной работы, при условии, если будет центр, вокруг которого они будут группироваться. Сейчас наша деревня переживает очень сложные и глубокие процессы, которые имеют огромное хозяйственное и культурное значение. Она расслоится, в деревне снова появится и быстро появится слой кулачества. И надо ясно понять одно, именно то, что каждый передовой крестьянин, активный, грамотный, знающий, что такое Советская власть, способный разбираться в законах, послушавший агрономические лекции, посетивший сельско-хозяйственную выставку, — всякий такой крестьянин может стать в деревне одним из двух: либо помощником социалистической культуры, либо кулаком. Пбо что такое кулак? Кулак — это, в большинстве случаев, способный, умелый, крепкий крестьянин, который всю свою силу полагает на то, чтобы поднять свое индивидуальное хозяйство за счет других хозяйств. И наши демобилизованные красноармейцы, представляющие сейчас в массе своей лучшие элементы крестьянства и способные сгруппироваться вокруг школы, вокруг кооперации, вокруг библиотеки, они же способны выделить из себя нового европеизированного кулака. Почему? Потому, что они грамотные, —

грамоте мы их в армии научили, если они были неграмотными,—они привыкли читать газеты, они знают адреса советских учреждений, они знают законы, они знают, что такое коммунистическая партия,—словом, это не серые, темные крестьяне, хотя бы они и были родом из самых отдаленных углов, они в армии слушали агрономические лекции, посещали образцовые сельские хозяйства при наших учебных с.-х. заведениях и пр. И если бы они оказались в деревне предоставленным самим себе, тогда они все эти накопленные преимущества направляли бы по руслу своего лишь собственного хозяйства, собственной прибыли, а это значит, что, незаметно для себя, они в 2—3 года могут обернуться европеизированными кулаками. Это реальная опасность. А между тем этот же молодой, более культурный крестьянин, если его притянуть к работе на первых же порах по возвращении из армии, окажется готов и способен направить всю свою энергию по артельно-кооперативному руслу, и он станет неоценимым общественным работником.

Поскольку я затронул красноармейцев, прибавлю: если мы вам отпускаем красноармейцев, на которых вы в вашей культурной работе можете опереться, то и мы ждем от вас, культурных работников в деревне, нового, более культурного и более квалифицированного молодняка для армии. Вы знаете, что мы армию все больше и больше переводим на милиционные рельсы. Этим самым мы прежде всего сокращаем нашу долю в бюджете, а чем меньшая часть его будет поглощаться армией, тем большие средства можно и должно будет выделить на культурно-просветительную работу. Но и здесь: услуга за услугу. Вы должны давать нам более

грамотный и развитый деревенский молодняк. Ибо милиционная система предполагает более восприимчивого красноармейца, который, пройдя через допризывную подготовку, затем в течение одних только учебных и повторительных сборов должен овладеть всеми элементами военного дела — нисколько не хуже, чем солдат, прошедший длительную казарменную выучку. Библиотекарь, „избач“ являются видными участниками в строительстве Красной Армии.

В заключение позвольте еще раз вернуться к газете, этому важнейшему орудию политического воспитания. Я взял сегодняшние „Известия“, просмотрел телеграммы и спросил себя под углом зрения задач настоящего съезда: как эти телеграммы понимаются читателем-массовиком? объясняются ли они, истолковываются ли? как их воспринимает крестьянин? С точки зрения нашего международного положения, вопрос о Польше и вопрос о Румынии представляют, как вы знаете, исключительный интерес. Я остановился поэтому на двух телеграммах сегодняшнего номера, касающихся как раз этих стран. Телеграмма из Варшавы говорит, что „маршалк сейма не принял интерpellации Украинского клуба, потому что часть этой интерpellации была написана на украинском языке“. Я не говорю о замысловатом построении самой телеграммы, — на этот счет я веду с Ростой и с редакциями длительную гражданскую войну. (Смех.) Не могу, однако, скрыть опасения, что эта телеграмма напечатана в таком же невразумительном виде во всех газетах. Думаю, что не только грамотный крестьянин ее в таком виде не поймет, — не поймет, пожалуй, и „избач“. Ибо он не знает, кто такой этот „маршалк“, а ему надо разъяс-

нить, что это председатель сейма, т.-е. парламента, и что он не принял интерпелляции (запроса) потому только, что часть этого документа написана на украинском языке. Допустим, что мы с вами в избирательной, перед нами висит карта, где обозначена Польша. Каждому можно показать, что Польша примыкает к нашей границе и отрезает пас от Германии. При карте есть справочник, и в справочнике сказано, сколько в Польше украинцев, сколько вообще национальных меньшинств, и крестьянин узнает, что в Польше национальные меньшинства составляют чуть ли не половину населения — около 45 %. Если ему теперь сказать, что в Польше украинцы подали заявление в свой „демократический“ парламент, причем часть заявления написали „по-украински“, т.-е. на своем родном языке, и что демократический председатель демократического парламента демократической республики отказался по этой причине принять заявление, то мы сразу обогатим слушателя ярким представлением о Польше. Лучшей агитационной речи не нужно, как толковое и спокойное объяснение этих четырех замысловатых строчек телеграммы. — Затем следует телеграмма, касающаяся Румынии. Тут читаем: „Фактически в Бессарабии почти все школы национальных меньшинств закрыты. В Буковине уничтожены все школы не только смешанные, но и украинские“. Как видим, и эта телеграмма касается национального гнета. В каждом номере бывают телеграммы, характеризующие классовый или национальный гнет в капиталистических странах, сопротивление угнетенных и пр. Все это — неоценимая школа, особенно для молодняка. Вокруг этих телеграмм, как вокруг стержня, можно

построить великолепную воспитательную работу. Но нужны толковые разъяснения, чтобы этот драгоценнейший материал на $\frac{9}{10}$ не проходил бесследно для 0,99 грамотного населения нашей страны. Нужны справочники, пособия. Их почти нет. В то же время мы печатаем многочисленные речи и доклады примерно на одни и те же темы, они попадают к тем, кто в общем и целом и без того знает, о чем идет в них речь. В этой области необходим серьезный сдвиг. Книга должна пойти в народ.

Представим себе, что у нас 50 тысяч изб-читален, а потом и сто тысяч, и в каждой избе есть газета. Не три, и не пять газет, как мы, советские чиновники, привыкли читать, а одна газета, где ясно и точно изложены важнейшие сообщения. На стене висит карта, на пей видны все государства, и есть справочники, где обозначено население всех стран, национальный и классовый состав и т. д. „Избач“, получив свежую газету, вооружается справочником и разъясняет новости перед картой, привлекая к этому делу как можно больше народу, и в первую голову — демобилизованных красноармейцев. Такая избачитальня явится незаменимой школой ленинизма, она воспитает в деревне граждан, научив их ориентироваться в международной обстановке — для того, чтобы они могли сознательно воздействовать на нее в случае нужды, может быть, и с оружием в руках. Мы должны прежде всего воспитать таких библиотекарей, заведующих читальнями, „избачей“, и тесно связать эти разбросанные очаги культуры с центром. Это возможно, это осуществимо, и это будет осуществлено. Только тогда наше культурное строительство создаст себе необхо-

димые рычаги на местах. Только тогда Октябрьская Революция раскроет перед массами все свое творческое содержание. Скоро ли это будет? Это, конечно, зависит и от объективных причин, но не в малой степени также и от нашего умения. У нас есть дьявольский враг, который называется волокитой. Этот враг, отражая, в свою очередь, нашу некультурность, требует, однако, самостоятельной борьбы с ним. Мы теперь заводим вол-избы, вол-библиотеки, вол-организаторов. Это прекрасно. Давайте же эти вол-библиотеки, вол-избы и вол-организаторов мобилизуем на борьбу с вол-окитой. (Аплодисменты.) Я не сомневаюсь, товарищи, вы поняли, что я говорю не о какой-то волостной оките (смех), а о нашей всероссийской и всесоюзной волоките—будь она неладна. (Смех.) Еще об одном вопросе. Сегодня в той же газете я прочитал телеграфное сообщение о том, что в Тифлисе Зак-кино вручено за постановку „Красных дьяволят“ красное знамя. Разумеется, ничего нет плохого в том, что хотят отметить хорошую работу кино. Наоборот, это прекрасно. Кино есть могучее орудие, и когда мы добьемся того, что на местах в вол-избах будут у нас вол-кино, то это будет означать, что нам до социализма уже недалеко, ибо лучшего союзника в нашем строительстве, чем каким может явиться кино, и представить себе нельзя. Но я не об этом хотел сказать, а о том, как мы беспомощно выражаем приветствия и отмечаем заслуги: всегда преподносится красное знамя. У нас теперь прошло множество юбилеев: по случаю и двух лет, и трех лет, и пяти лет, и почти в каждом случае подносится красное знамя. Зачем это и к чему? Если подсчитаем, сколько уходит средств на поднесенные

красных знамен, то окажется, что много. А что, если такой клич кликнем: давайте при всяких юбилеях, которых у нас малость перепроизводство, не подносить красных знамен, а ассигновывать те же средства на приобретение книг в волостной библиотечный фонд. На каждой книге, которая будет на эти средства приобретаться и посылаться в волостную библиотеку, будем на переплете (неприменно книги в переплете) ставить штемпель, что эта книга приобретается в ознаменование заслуг хотя бы того самого Закавказского кино по постановке „Красных дьяволят“ или по какому-либо другому поводу. Мне кажется, такой порядок будет лучше, содержательнее, культурнее.

Конечно, знамена, как символ революционной борьбы, необходимы, но вводить подношение знамен, как рутину, как нечто обязательное и в то же время ни для кого не нужное, это смешно и вредно. Отчего бы библиотекарям не поднять голоса, а газетчикам не поддержать: „Давайте в дальнейшем отмечать все успехи, или воспоминания об успехах, или воспоминания о крупных неудачах расширением ресурсов на культурно-просветительную работу в деревне“. Поставим в центре внимания эту самую вол-избу, — ей книжка нужна, справочник нужен, географическая карта нужна, классики нужны, книга Ленина нужна. Вот это ей и дадим. И на каждой такой книге поставим соответствующий штемпель. Это и для читателя будет вместе с тем некоторым уроком по советской истории...

Товарищи, если ваш съезд даст по разным направлениям этакие живительные толчки нашему, склонному застаиваться, общественному мнению центра, то уже этим одним съезд выполнит серьезную и хорошую

работу. Надо во что бы то ни стало доконать те навыки и традиции крепостничества и интеллигентского барства, которые выражены в словах нашего старого сатирика: „писатель пописывает, а читатель почитывает“. Нет, писатель, издатель, библиотекарь и читатель должны у нас идти в одной упряжке. И достигнуто это может быть только организованным давлением снизу, контролем сверху, проверкой и отбором. Нужно, чтобы читатель стал смелее, требовательнее, активнее. Научить его этому должен библиотекарь. Надо научить читателя не только претерпевать то, что для него пишут, но и требовать, чтобы ему давали то, что ему нужно, и обругать редактора, — конечно, вежливо (смех), — когда он дает не то, что нужно. Вы, товарищи, являетесь посредниками, рычагами, агентами этого творческого взаимодействия верхов и низов. Да здравствуют же активные посредники, ценнейшие рычаги в системе советской культуры! (Продолжительные аплодисменты.)

Ответы на записки.

№ 1. *„Стоило ли производить революцию у нас, если английскому пролетариату придется, все равно, вести нас на буксире лет через пятнадцать?“*

Из этого вопроса я вижу, что автор записки плохо понял мою мысль, а может быть, и я недостаточно отчетливо разъяснил ее.

1) Если бы революция не произошла в 1917 году, то мы были бы европейской, или, верней, американской колонией, и европейскому пролетариату, действительно, пришлось бы нас тогда вытаскивать из рабского положения на буксире.

2) Английский пролетариат обгонит нас в деле социалистического строительства лишь после того, как завоюет власть, а завоевать ее он может только с бою, т.-е. путем революции, как и мы.

3) Наша революция, как важнейший исторический факт, чрезвычайно облегчит английскому пролетариату пришествие к власти и социалистическое строительство. На поверхностный взгляд кажется, что это не так, ввиду того, что надежды на быстрое революционное развитие в Европе не оправдались. Но достаточно вдуматься в вопрос, чтобы понять, что без нашей революции движение на Западе развивалось бы несравненно медленнее.

4) Возьмет ли нас английский пролетариат на буксир, когда и как возьмет, — это предсказывать трудно. Но что это значит: взять на буксир? В данном случае это значит, что английский пролетариат, придя к власти и экспроприировав буржуазию, ускорит своей организационной, технической и всякой иной помощью наше социалистическое строительство. Помощь эта, конечно, будет не филантропической, так как мы обеспечим социалистическое строительство в Англии нашим хлебом, лесом и другим сырьем. Мог ли бы английский пролетариат взять нас „на буксир“, если бы мы жили в буржуазных условиях? Разумеется, нет. Таким образом, сомнения автора записки насчет того, стоило ли совершать революцию, свидетельствуют о том, что он не продумал самых основ вопроса.

№ 2. *„Не может ли случиться так, что мы все же опередим европейских рабочих не только в деле революции, но и в деле строительства социалистической культуры?“*

Конечно, это не исключено. Если нынешний европейский порядок, когда буржуазия уже неспособна справляться с делами, а пролетариат еще неспособен взять власть, затянется надолго; если на этом пути буржуазия доведет Европу до новой войны, в которой еще больше обескровит европейскую экономику и культуру, — теоретически говоря, не исключена возможность, что мы достигнем очень высоких хозяйственных и культурных достижений, прежде чем пролетариат Запада овладеет властью и встанет на путь социалистического строительства. Такого рода перспектива предполагает, следовательно, крайнюю медленность революционного развития остальной Европы, при успешности нашей хозяйственной и культурной работы. Однако ничто не заставляет нас думать, что европейская революция отодвинута на долгие и долгие годы. Если же она наступит, скажем для примера, в течение ближайшего десятилетия, то все говорит за то, что, преодолев сопротивление своей буржуазии, европейский пролетариат обгонит нас на путях создания нового общественного строя и новой культуры. Но, конечно, и мы приложим все силы к тому, чтобы не отстать.

№ 3. *„Почему же у нас так безобразно поставлена работа с печатанием телеграмм“.*

Формулировка вопроса чрезмерно строгая. Кое-какие успехи в области телеграфной информации нами сделаны. Но в общем и целом телеграфная информация еще, действительно, слаба. В чем это выражается? Во многом: во-первых, в том, что корреспонденты, в силу старых навыков и привычек, сообщают сплошь да рядом то, что не заслужи-

вает большого внимания; во-вторых, по этой же самой причине, не замечают того, что, наоборот, должно бы в первую голову интересоваться нашу печать; в-третьих, в сообщаемых сведениях нет необходимой связи и преемственности; в-четвертых, телеграммы печатаются в том виде, как получаются, т.-е. сплошь да рядом в чрезвычайно неудобоваримом виде. Чем все это вызывается? Все теми же причинами, о которых мы говорили в докладе: недостаточным развитием общей культуры и в частности — газетной. А газетное дело имеет свою особую область знания и умения, т.-е. культуры. Как бороться против перечисленных недостатков? Теми же методами, о которых мы говорили в докладе: давлением читателя или, по крайней мере, посредника между читателем и газетчиком, в данном случае активного библиотекаря, руководителя читальни. Нужно проверять телеграфную информацию непосредственно на ее потребителя, — на низовом читателе. Телеграммы будут преподноситься в плохом виде до тех пор, пока их правильно читают только верхушки, которые так или иначе поймут, что в телеграмме сказано, а когда через библиотеки и читальни мы приучим широкие круги трудящихся к повседневному чтению или слушанию газет, тогда газетчику, даже и самому консервативному и ленивому, придется подчиниться напору читательских требований и протестов. Дело библиотекарей эти требования и протесты организовать.

ЛЕНИНИЗМ И РАБОЧИЕ КЛУБЫ,

(Речь на совещании клубных работников 17 июля 1924 г.).

Мне, товарищи, доводится за короткое время сегодня выступать перед вторым всесоюзным съездом культурных работников. Будем надеяться, что самый факт этих съездов знаменует известный перелом, предвещает период более напряженной, более широкой культурной работы во всех областях.

I. Воспитательная работа до и после завоевания власти.

Для нас вопросы культурной работы неразрывно связаны с политикой, с социалистическим строительством. Это—азбука. Когда мы говорим о культурной, в частности—о клубной работе, которой суждено в общей системе нашей культурной работы занять исключительное место, то мы в первую голову имеем в виду пропаганду и осуществление на деле основных положений марксизма, или, в переводе на язык нашей эпохи, ленинизма.

Как раз на этих днях я наткнулся на одну фразу Маркса, которую я, к стыду своему, позабыл было,— фразу, которая нас вводит сразу в существо вопроса. Совсем молодым, Маркс писал известному немецкому

радикальному писателю Арнольду Руге: „Мы не вступаем в мир с новым доктринерским началом: вот тебе истина, на колени перед ней! Мы развиваем для мира новые основы из основ самого мира“. Превосходная формулировка, чисто марксовская. Мы не приносим народу истину извне, как нечто несгибаемое и раз навсегда данное, и не говорим народу: „вот тебе истина, на колени перед ней!“. Нет, мы берем мир, как он есть, и из основ этого живого мира мы практически, действительно извлекаем приемы для построения нового мира. В этом — существо марковского и ленинского метода. И культурным работникам Советской Республики нужно весьма и весьма продумать и прочувствовать эту мысль, ибо у нас марксизм через ленинизм впервые пришел к власти. И этот факт, открывая новые колоссальные возможности культурно-воспитательной работы, заключает в себе также и серьезные опасности, которые всегда нужно иметь перед глазами. Как-то мне пришлось сказать, что наша страна есть государственно-организованный ленинизм. Государственно-организованный,—стало быть, располагающий властью. Государство есть организация принуждения, и у марксистов, стоящих у власти, может быть искушение и в культурно-просветительной работе среди трудящихся упростить свою работу по способу: вот тебе истина, на колени перед ней! Конечно, государство, это—жесткая вещь, рабочее государство имеет право на принуждение и обязано применять его; против врагов рабочего класса—беспощадное применение силы; но в вопросе воспитания самого рабочего класса метод „вот тебе истина, на колени перед ней“, как метод

культурной работы, противоречит самому существу марксизма. Способы и приемы пропаганды и воспитания—разные в то время, когда партия находится в подполье, и в то время, когда партия держит в руках государственную власть, но ленинизм, как метод мышления и как метод воспитания трудящихся, остается одним и тем же и в тот период, когда партия борется за власть, и после того, как она этой властью овладела.

Нам необходимо весьма и весьма продумать эту мысль. Все ее значение предстанет перед нами особенно ярко, если мы сопоставим путь развития молодого рабочего в старой буржуазной России или в любой капиталистической стране и ныне, у нас, в условиях Советской Республики. Прежде рабочий развивался из фабрики; у себя в мастерской он находил в живом опыте все те условия, которые помогали ему ориентироваться не только на фабрике, но и во всем обществе. Против него был капиталист, который его эксплуатировал,—классовый антагонизм, как основное начало для ориентировки в обществе, был перед ним налицо. Были случаи стачек, где рабочий имел дело с полицией. В области квартирного вопроса он имел дело с домовладельцем, и, наконец, как потребитель, как покупатель, он имел дело с торговцем-эксплоататором. Таким образом, в замкнутой области своего повседневного жизненного опыта и, прежде всего, начиная с цеха, он сталкивается с классовым врагом в разных его ипостасях, в разных его проявлениях,—и этого было достаточно для первоначальной ориентировки в общественных условиях. Так ли у нас сейчас? Нет, не так. Возьмем молодого рабочего, то-есть такого, который не проходил старой фабричной школы

при капитализме, а начал активно жить и работать после Октября. В моральном отношении условия его труда неизмеримо лучше, в материальном—далеко не всегда. Но на фабрике перед ним врага, который являлся бы причиной его все еще тяжелого материального положения, нет. Для того, чтобы ему, этому молодому рабочему, понять свое место на заводе, ему нужно понять свое место в обществе. Он должен продумать, что он, как часть класса, господствует в этой стране, что эта фабрика принадлежит его классу и что он является здесь частицей коллективного хозяина. Если он живет, скажем, в доме, принадлежащем Московскому или иному Совету, то опять-таки он имеет перед собой не домовладельца, который его эксплуатирует, а себя же самого. Чтобы научиться правильному отношению к своей квартире, к лестнице, к порядку и проч., он должен почувствовать себя частицей коллективного хозяина. Тут все повернулось вокруг своей оси. Рабочий в буржуазной России, как и во всякой буржуазной стране, имел основной опыт у себя на заводе, и когда он впервые слышал истины марксизма, они сразу ложились на узкий, но очень крепкий классовый опыт возмущения, ненависти и борьбы против эксплуататора. А теперь у нас этого нет. Эксплуататор стоит перед нами теперь в гигантском масштабе, в виде мирового капиталиста, который войнами, блокадами, вымогательством старых долгов задерживает наше развитие. На фабрике, на заводе положение ныне совершенно новое, и, чтобы взять здесь правильный тон, нужно понять свое место в общественных взаимоотношениях. Чтобы правильно ориентироваться в вопросе заработной платы,—

можно ли или нельзя в данных условиях повышать ее? — в вопросе о бережном отношении к материалам и топливу или о производительности труда, — чтобы правильно разобраться во всех этих вопросах, рабочий должен опознаться в своем общественном положении, т.-е. продумать все последствия того факта, что он есть господствующий класс. Стало быть, мы приходим к тому выводу, что в своем развитии рабочий буржуазной страны исходит от фабрики, завода, цеха и через посредство переходных ступеней доходит до ориентировки в обществе, а у нас теперь рабочему нужно разобраться в своем положении в обществе, чтобы не запутаться на фабрике. — Это разница колоссальная! Разница культурно-воспитательного подхода, вытекающая из разницы условий индивидуального и классового развития. Те обобщения, какие достаточны были рабочему в капиталистическом обществе, могли быть, по крайней мере — на первых порах, очень ограничены. Сейчас рабочему, чтобы найти свое место, нужны гораздо более широкие и сложные обобщения. Зато и опыт его сейчас гораздо сложнее, разнообразнее. Но опыт этот раздроблен и его надо собрать, обдумать, обсудить, формулировать. Надо жизненный опыт рабочего — его заводский опыт, домовый, опыт члена кооператива, опыт красноармейца и проч. собрать воедино. В тот момент, когда этот разнообразный опыт критически собирается в голове рабочего, последний уже находит правильную ориентировку в обществе, а следовательно и на заводе, и в доме-коммуне, и в кооперативе... И вот клуб является одним из важнейших узлов, где пересекаются нити опыта, раздробленного и частичного, где они собираются воедино.

2. Место клуба в воспитательной работе.

Воспитывает в нашей стране коммунистическая партия. Но партия располагает сложной системой рычагов. Партия действует и через государство, которым она руководит, и через профсоюзы, руководство которыми находится опять-таки в ее руках, и через клубы, значение которых будет возрастать и возрастать. Клуб представляет собой исключительно важный орган коллективной переработки раздробленного опыта рабочего класса именно потому, что клуб входит только в систему воспитания, но не в систему управления. Партия представляет собой действенный, а у нас — и правящий коллектив, который отграничивает себя от неподготовленных элементов — не в том смысле, конечно, что отрезает себе пути к этим элементам, а в том, что не может допустить неподготовленные элементы влиять на решения партии своими голосами. Партия устанавливает строгие правила вступления в ее ряды, строгую проверку и проч. Все это безусловно необходимо. Партия правит. Партия не может дожидаться, пока отсталые элементы разовьются до понимания сегодняшних событий, ибо сегодняшние события завтра станут вчерашними, а завтрашние станут сегодняшними. Партия ждать не может. Она должна активно откликаться на сегодняшние события. Партия дает формулы и лозунги; для членов партии и для рабочих, которые непосредственно за партией идут, эти формулы и лозунги наполнены всем живым опытом прошлого. А для более отсталой массы эти формулы как бы приходят

сверху, иногда застывая врасплох. Чтобы их воспринять, как что-то свое, масса должна подойти к ним по ступеням собственного своего опыта. И вот таким мостом между раздробленным, частичным, недостаточным, непродуманным еще опытом рабочего (не рабочего вообще, а данного живого рабочего или группы рабочих) и между политическими формулами, заданиями и директивами партии, — одним из важнейших мостов между ними является — должен являться! — рабочий клуб. В этом его основное значение. Все остальное вытекает отсюда.

Петру I приписывают авторство фразы, которую, я думаю (я не проверял), он заимствовал у более древних военных писателей. „В уставах, — говорит Петр, — порядки писаны, а времен и случаев нету“. Т.-е. для неопытного воина, если он возьмет в руки устав, общие правила поведения в различных случаях боевой обстановки будут звучать, как отвлеченные повеления, которые висят над его головой, — как внешняя истина, перед которой нужно становиться на колени. Чтобы понять, надо проделать и проверить это на собственном опыте. „Времен и случаев“, как говорит Петр, т.-е. конкретных условий применения, в уставе нет. В умении сочетать общие уставные порядки с конкретными временами и случаями и состоит основная задача воинского обучения и воспитания. Обще-ственно-воспитательный путь клуба ведет от „времен“ и „случаев“, т.-е. от конкретных условий опыта отдельного рабочего, группы рабочих, завода, района, к „порядкам“ устава, т.-е. к общим выводам и общим нормам поведения, которые обязательны для класса в целом. Клуб не имеет, конечно, своей политики и

не говорит обобщений. Он их получает от партии, творчество которой он питает своим опытом. Клуб помогает тем рабочим, которых он вовлекает в свою орбиту, продумать, критически проработать свой опыт. На V съезде молодежи Ленин сказал: „Коммунизм превратится в пустоту, превратится в пустую вывеску, коммунист будет только простым хвастуном, если не будут переработаны в его сознании все приобретенные знания“. Переработаны — как? На основе его личного, окружающего его группового и всего классового опыта. Клуб есть мост от обывательской жизни рабочего или работницы к гражданской жизни, т.-е. к сознательному участию в государственном, профессиональном и партийном строительстве. Но клуб не покидает и рабочего, уже примкнувшего к коллективной работе через профессиональный союз, советскую организацию или партию. Клуб помогает такому пробужденному рабочему повысить свою революционно-гражданскую квалификацию. Если назвать клуб школой, то это есть школа гражданственности или школа повышения гражданской квалификации.

Но не только гражданской. Подъем культуры немислим без подъема квалификации наших рабочих, без воспитания тяги к высокой квалификации, без выработки профессионального самолюбия. Именно потому, что коммунизм не есть отвлеченный принцип: „становись на колени — и баста!“ — а есть метод построения нового мира, исходя практически из основ настоящего мира, — именно поэтому нельзя серьезно говорить о социализме, если при этом не устремляться всеми мерами к основной предпосылке социализма, т.-е. к повышению производительных сил страны. Не

надо закрывать глаза на то, что есть: отзывы иностранных рабочих-коммунистов о нашем производстве далеко не всегда утешительны: работаем пока что неумело, вяло, неспоро и пр. Сохраняя восьмичасовой рабочий день как незыблемую базу развития пролетарской культурности, мы должны добиться гораздо более высокой производительности труда. Воспитать стремление стать производственным высокой квалификации—одна из задач клуба, который работает в этой области в теснейшей связи с профессиональным союзом. Поэтому курс на хорошего, квалифицированного революционного гражданина нерасторжимо связан у нас с курсом на хорошего квалифицированного производственного. Вы знаете, что в Западной Европе (отчасти это и у нас так было) известная, а в некоторых странах очень значительная, часть высококвалифицированных рабочих имеет тенденцию чувствовать себя аристократией, отделяется от остального класса и служит опорой социал-демократам, меньшевикам и даже еще более правым элементам, как в Америке. Если бы мы допустили что-либо подобное у нас, это означало бы катастрофическое упущение в области воспитания рабочего класса, ибо у нас высокая квалификация рабочего должна быть всесторонней, т.-е. не только производственной, но и политической, и должна являться главой в повышении квалификации всего рабочего класса в целом, а не только его верхушки. Поэтому вопрос о выработке у передовых элементов рабочего класса умонастроения, направленного на повышение своей производственной ценности, на понимание и хозяйства в целом, и мастерского овладения своим производством,—есть одна из

важнейших задач клуба. Задача эта не может быть, разумеется, разрешена методом морализирования. Этот метод вообще не годится никуда. Задача может быть разрешена или, вернее, разрешаема путем повышения интереса к производству, путем привлечения к беседам в клубе высоко-квалифицированных рабочих, являющихся в то же время высоко-квалифицированными коммунистами, путем возбуждения чувства профессиональной чести, производственной гордости, которые связываются непременно с вопросом об успехах всего нашего социалистического хозяйства.

Я сказал — и это для нас всех азбучно, — что ленинизм не есть совокупность истин, которые требуют внешнего поклонения, а есть метод мышления, который требует постоянного применения на опыте. Но это, конечно, не значит, что ленинизм изучается чисто-эмпирически, без теории, без книжки. Книга нам, книга клубу для изучения ленинизма нужна. Об этом говорит резолюция XIII Съезда нашей партии: „Пропаганде ленинизма должно быть отведено в общей работе клубов виднейшее место. Орудием нашей пропаганды должна быть библиотека клуба, для чего необходим соответствующий подбор литературы“. Скажу, не утаю, что подбор тут надо понимать и в смысле отбора, ибо книжек на тему о ленинизме появилось несметное число, и не все они одинаковой ценности. О ленинизме писать нелегко... Многие из наспех написанных книжек отметутся, как шелуха, а более ценные должны перерабатываться и далее. Отбор таких книжек для клуба есть существеннейший вопрос, который может быть разрешен лишь путем коллективной клубной и библиотечной работы.

Я хотел бы тут же, к слову, предостеречь от одной довольно распространенной ошибки, от неправильного отношения к тому, что называется популярностью книжки. Конечно, надо писать как можно проще, но без ущерба для существа вопроса, без искусственного упрощения темы, без молчаливого обхода ее важных сторон. Изложение должно соответствовать теме. Поскольку мы хотим через клуб поднимать также и теоретическую квалификацию передовых рабочих, постольку их надо вводить в область очень сложных идейных интересов. Тут надо учиться! Есть книжки, которые воспринимаются так, как воду пьешь, но и уходят они, как вода,—не задерживаются в сознании. Учиться ленинизму—это большая работа, и так и нужно к этому относиться, не поверхностно, не слегка, а с киркой в руке врезываться в область ленинизма. Конечно, не всякая книга для всякого годна: должно быть соответствие между личным опытом читателя, общим уровнем его развития, способностями и между тем захватом ленинизма, который в книге дан,—но относиться к делу так, будто можно изложить ленинизм в форме, доступной всякому без затруднений, нельзя. То, что берется без затруднений, ничего не стоит во всех областях. Конечно, популярность есть одно из важнейших требований, которое мы должны предъявлять ко всем писателям для рабочего класса, но наивно думать, будто способом изложения можно преодолеть все трудности, заключающиеся в существе вопроса. В чем состоит здоровая популярность? В том, что изложение соответствует теме. „Капитал“ популярнее не изложишь, чем изложил Маркс, если возьмешь вопрос во всей глубине,

философскую работу Ленина об эмпириомонизме также популярнее Ленина не изложишь. Где же выход? К этим книгам нужно добираться по ряду ступеней, только так их и поймешь, другого способа нет и не может быть. Сюда же относится широко распространенный предрассудок, с которым боролся еще старик Энгельс, насчет иностранных слов. Разумеется, нагромождать иностранные слова, особенно мало употребительные, — никуда не годная манера. Еще хуже, однако, непонятные слова собственного производства, вроде наших трех- и четырехчленных советских слов, которые в газетах у нас зря иной раз загромождают текст и которые ни в одном словаре иностранных слов не найдешь. Сокращения слов допустимы, когда их знают и понимают. Бывают сокращенные и составные слова, пригодные для канцелярий, для ведомств, но в газетах и книжках общего назначения они только мешают. И наоборот: есть иностранные слова, научные термины, которые необходимы рабочим. Нужно иметь словарь, нужно, чтобы заведующий клубом был квалифицированным работником, чтобы он сам шел вперед, учился и вел вперед других. Но нельзя создавать для рабочих литературу, которая китайской стеной отделялась бы от остальной литературы, где применяется известная терминология, в состав которой входят и иностранные слова. Нужно расширять словарь рабочего, ибо словарь — это набор инструментов мысли. Расширение обиходного словаря рабочего — тоже одна из задач клуба.

3. Посещаемость клубов.

Перейдем теперь к вопросу о посещаемости. Основная задача клуба, как я уже сказал,—служить мостом между личным, частичным, жизненным опытом, производственным, семейным и всяким иным, и между обобщениями ленинизма, т.-е. лозунгами и директивами коммунистической партии. Это возможно лишь в том случае, если в клубе частичный жизненный опыт будет воедино собираться, а это, в свою очередь, осуществимо лишь в том случае, если в клубе вообще будут собираться, т.-е. если в клуб будут ходить. (Смех.) Это—первейшее и необходимейшее условие, которое не всегда, как вы знаете, осуществляется в жизни. Я получил от товарищей, работающих в клубной области Главполитпросвета, очень ценные материалы и документы, и в частности—статистику клубной работы. Она очень несовершенна, как и вся наша советская статистика пока что, но дает все же интересные указания. В Советском Союзе у нас есть приблизительно 2.500 клубов. О посещаемости дали из них справки 561 клуб. Думаю, что мы не ошибемся, если выразим подозрение, что справки дали не худшие клубы, а те, которые, так сказать, не очень стеснялись говорить о посещаемости. Эта справка гласит, что если разделить общее число посещений на эти 561 клуб, то получится 13 посещений в день. Да, всего-на-всего 13 человек в день! Если теперь предположим, что все остальные клубы не хуже,—а это будет слишком великодушное допущение, потому что, повторяю, сведения, вероятно,

дали более посещаемые клубы,—и если мы нашу среднюю цифру распространим на все 2.500 с лишним клубов, то получится около 33.300 человек в день, или миллион посещений в месяц, или 12 миллионов посещений в год. Дальше уже множить не будем—на более длительный период. Эта цифра посещений—12 миллионов—на первый взгляд очень внушительна, но нас интересует число захваченных клубами людей. Конечно, если мы предположим, что перед нами 12 миллионов человек, то это значило бы, что они посещают клуб раз в год. А кто посещает клуб раз в двенадцать месяцев, тот вообще его не посещает. Допустим, что в среднем на человека падает одно посещение в месяц—это не часто!—тогда выйдет, что клубы захватывают все вместе миллион человек, только всего! В жизни это выглядит значительно иначе. Вероятно, есть тысяч 300—400 человек, которые ходят часто, два-три раза в неделю, потом 100—200 тысяч, которые ходят в среднем раз в неделю, потом известное число таких, что бывают в клубе раз в месяц, и потом еще довольно большое число таких, которые заглядывают в клуб время от времени, случайно, по знакомству и пр. Но в среднем все же получается миллион человек, считая одно посещение на человека в месяц. Конечно, это очень маленькое число, убийственно маленькое! Его нужно перед собой всегда иметь,—ни в коем случае, конечно, не в укоризну клубным работникам,—а для характеристики крайне еще слабого размаха всей нашей культурной работы. Это такая же цифра, как и цифры, характеризующие число безграмотных в нашей стране, число ребят, которые не могут учиться за отсутствием

школ, и другие плачевные цифры. Они указывают нам, что сделать остается неизмеримо больше, чем сделано до сих пор. Вопрос о расширении емкости клубов, об увеличении их притягательности для масс теснейшим образом связан со всей проблемой нашей культурной работы; но я думаю, что одно условие надо выделить особо, как момент исключительной важности, без правильной постановки которого мы даже и дороги не найдем к другим сторонам вопроса о расширении влияния клубов. Этот момент касается добровольческого характера клубной работы.

4. Ни тени принуждения.

XIII Съезд партии говорит об этом: „Клуб должен быть организован на основе добровольного членства, обеспечивающего максимальную активность его членов“. Разумеется, принудительности в этой области нет, по крайней мере, явной и прямой, но принудительность может быть невольной, косвенной и замаскированной. Этот вопрос есть в наших условиях ключ ко всем другим вопросам. Товарищи, рабочий класс имеет перед собой государство, партию, профсоюзы, кооперацию, имеет клубы и пр. Государство по самому существу своему есть организация принуждения, а в революционную эпоху, особенно в трудные часы революционной эпохи, — организация сурового принуждения. Мы не забыли еще, что мы все прошли через военный коммунизм. И если бы довелось снова спасать Республику в тяжких условиях от внешних врагов, то мы не зарекаемся от того, чтобы снова прибегнуть к военному коммунизму. Государство есть

аппарат принуждения, иначе быть не может. В отличие от государства партия есть добровольная организация единомышленников. Но наша партия руководит государством, ее судьбы тесно связаны с судьбами этого государства. Поэтому известные элементы принудительности неизбежно связываются с деятельностью и ролью нашей партии. Профсоюзы организационно захватывают массу шире, чем партия, они не ставят своим членам предварительных условий, кроме общего условия классовой добросовестности. Но и профсоюзы имеют прямое и притом руководящее отношение к регулировке материального положения рабочих. Через завкомы профсоюзы играют крупнейшую практическую роль на заводе. Элемент не то чтобы прямого командования, но известный элемент властвования ложится и на профсоюзы. Конечно, от умения, от такта, от правильности линии завкома и профсоюза в целом зависит, воспринимается ли этот элемент властвования жестче или мягче, но он есть и он неизбежен. Совсем иное положение клуба. Вот где элементы властвования, командования, приказывания, распоряжения ни в коем случае не могут и не должны иметь места. Мы здесь возвращаемся к тому, с чего я начал. Ленинизм не есть начало, навязываемое извне: вот, мол, тебе истина, на колени перед ней! Нет, это не ленинизм. Надо дать возможность каждому рабочему, в данном случае каждому члену клуба, исходя из своего опыта, дорабатываться до истин ленинизма. Клуб не есть организация действия и уж конечно ни в малейшей степени не организация властвования. Намек на властвование в клубе или через клуб губит клуб. Школа принудительна, а клуб свободен. В клубе

должно царить начало полного и безусловного добровольчества. Если рабочий видит в заведующем клубом или в правлении его начальство, хотя бы в маленькой степени, то это есть коренная и опасная неправильность, которую необходимо устранить. Никакой принудительности! Никакого намека на принудительность! Никакого приказывания! Никакого намека на приказывание!.. Надо прямо сказать, что если рабочий, придя с фабрики в клуб, почувствует там хоть чуть-чуть душок административного давления, хотя бы косвенного, то он при первой okazji уйдет в пивную — и будет прав. Мало-мальски сознательный рабочий знает, как нужна, как необходима железная дисциплина в революционной стране, окруженной со всех сторон врагами. Он готов на жертвы по линии производственной, по линии военной, когда нужны общие усилия для обороны страны. Но когда он приходит в клуб, чтобы обменяться опытом, то здесь он должен себя чувствовать, как равный среди равных, товарищ среди товарищей, где дружески объясняют, где внимательно и просто склоняются к его неведению, где не приказывают, где не издеваются, где нет и намека на внешнее давление, где он у себя и дышит свободно. Это есть основное условие успеха всей клубной работы, ибо только при наличии его выясняется, привлекает ли клуб к себе своей работой или отталкивает, именно, как клуб, повседневным внутренним содержанием своим.

У нас сейчас существует и создается много обществ, основанных на добровольческих началах: „Долой неграмотность!“, общество помощи беспризорным детям, помощи жертвам мировой революции, Воздухофлот,

Доброхим, говорят об обществе содействия кино, об обществе друзей нового быта и т. д., и т. д. Далеко не во всех случаях в этой работе производится действительно принцип отбора добровольцев. Сплошь и рядом все дело сводится к довольно формальному избранию или почти что откомандированию группы рабочих для новой работы. Это нецелесообразно и недопустимо. Такие объединения, если мы хотим, чтоб они имели действительно воспитательное значение, должны быть радикально освобождены от прямой или косвенной принудительности, — не потому, что эта принудительность тяжка, а скорее потому, что ее не замечают. Доброхим, например. Я нарочно возьму эту организацию, как новейшую и более специальную. На эту тему я говорил с некоторыми заведующими клубами, на небольшом совещании, и встретил с их стороны полное сочувствие. Говоря о Доброхиме, мы, как сейчас видно будет, не отходим от клубной работы, — одно с другим теснейшим образом связано. Мы создаем Доброхим—общество содействия химической промышленности и военной химии. Как же его создать? Если пойти путем разверстки по заводам, путем наряда „добровольцев“, ничего не выйдет. Разумеется, можно на общем собрании, по предложению завкома или ячейки, избрать несколько человек, которые будут называться ячейкой Доброхима. Для статистики все в порядке, а на деле—что они будут делать? Мне неизвестно, вам неизвестно и им самим подчас неизвестно. (Смех.) Вся суть в том, чтобы на заводе разыскать и привлечь к делу людей, действительно интересующихся этим делом. Ведь на каждом заводе, в каждой мастерской, имеется величайшее

разнообразие индивидуальностей. Мы кого захватываем больше всего? Мы захватываем преимущественно революционного рабочего или администратора; этого требуют эпоха, характер нашего времени, задачи партии, профсоюзов, государства. Но среди массы рабочих есть много элементов, очень ценных в своем роде, но политически менее активных, чем другие. Есть рабочие, которые поглощены производством, как таковым, захвачены своей специальностью, стремятся подняться в ней, улучшить свою квалификацию, читают соответственные книжки, занимаются. Есть такие, у которых сильны научно-технические интересы, в том числе и к химии. Вот их найти надо и привлечь. Если мы на заводе, где пять тысяч рабочих, найдем для начала трех рабочих, у которых есть внутренний интерес к химии, то это несравненно лучше, чем если общим собранием, по предложению завкома, предложено стать химиками нескольким популярным рабочим, и без того заваленным общественной работой. На этом втором пути ничего не выйдет, назначенные об этом забудут через месяц или полгода, и окажется пустое место. Но если у него есть живой интерес к химии — а такие есть на любом большом заводе, — тогда дело будет твердо. А как их найдешь? Через клуб, через библиотеку, только там скажутся его индивидуальные интересы — в выборе книг, в беседе, в характере посещаемых им лекций. По мере усложнения задач общественной деятельности, все большей дифференциации ее, необходим тщательный индивидуальный отбор работников и на большую и на малую работу. Только таким образом завод может выделить из своей среды активные ячейки для различных добровольческих обще-

ственных организаций. Такой индивидуальный отбор рабочих и дальнейшая их квалификация по характеру интересов, по родам духовного оружия могут быть обеспечены, под руководством партии и профсоюзов, только при помощи правильно и широко действующих клубов. Все эти добровольные объединения должны будут, в свою очередь, вокруг клубов объединяться, через клубы обмениваться своим опытом и тем самым повышать свою гражданскую и всякую иную квалификацию.

Б. Клуб и пивная.

Я упомянул, товарищи, что если рабочий почувствует в клубе элемент принудительности, хотя бы косвенной, то он уйдет в пивную. Но бывает и так, что пивная иной раз приходит в клуб. (Смех.) Я знаю, что это лишь часть очень большого и острого вопроса, но я не собираюсь здесь вопрос об алкоголизме и борьбе с ним поднимать в полном объеме, хотя думаю, что придется нам этим вопросом вскоре заняться вплотную, ибо он теснейшим образом связан с судьбой нашей хозяйственной и культурной работы. Но той части общего вопроса, которая связана с клубами, я коснусь и прежде всего приведу маленький факт, который прямо-таки поразил меня и который, мне кажется, нужно опубликовать, чтобы тем самым точнее проверить его. Дело касается Дворца Труда имени Ленина, речь идет о буфете. Вот что мне товарищ Шагаев сообщил, — у меня записано буквально: буфет сдан частному лицу в аренду. — Почему? Потому, что кооперативы и Парият отказались от буфета без пивной. Клуб, тем не менее, сумел

настоять на своем и сдал буфет частному лицу, которое работает по ценам МСПО, дает 20% скидки членам клуба и вносит 70 р. золотом в месяц арендной платы клубу. Факт маленький, но в высшей степени знаменательный! Рабочий клуб хочет устроить буфет, адресуется куда? — к кооперации, к Нарпиту, т.-е. к организациям общественного порядка. Что отвечает кооперация? — Без пива не пойду: невыгодно. Что отвечает Нарпит? — Без пива не возьму: убыточно. Что делает клуб? — Сдает буфет частному лицу, а оно продает на 20% дешевле членам клуба против цен МСПО, платит 70 р. золотом арендной платы в месяц, да и само, надо думать, в накладе не остается. Товарищи, ведь это же величайший скандал и позор, что кооперация и Нарпит, то - есть те их органы, о которых в данном случае идет речь, идут таким недопустимым образом по линии наименьшего сопротивления, толкая к превращению клуба в пивную. Клуб пивом привлекает, тут уже не нужно заботиться ни о чем другом, поймай рабочего на пивной крючок (не знаю, можно ли говорить о пивном крючке, так как пиво — вещество жидкое, но действует оно все же не хуже крючка) — поймай и тяви. А клуб при чем? А клуб с боку припеку. В чем задача кооперации? Научись продавать в буфете дешево, имей некоторую прибыль и поддерживай клуб. Нет, зачем хлопотать и утруждать себя (это подстать частному торговцу!), для чего же на свете существует пиво? Торгуй им, и дело твое обеспечено без хлопот. Такова линия наименьшего сопротивления, для клуба и кооперации одинаково недопустимая, компрометирующая все дело, прямо-таки пагубная. Пример тем более ярок, что частный

торговец показал, что можно обойтись и без пива. Кстати, я не знаю, в числе посещений в 12 миллионов в год, которые мы насчитали, какое именно количество падает на счет пивных посещений? Во всяком случае ясно, что буфет с пивом украшает статистику клубной посещаемости. (Смех.) Говорят, что это, мол, все не так страшно, есть на этот счет правило, которое запрещает больше двух бутылок выпивать в клубном буфете. Правило мудрое, что говорить, но я не знаю, как вы контролируете это дело. Очевидно, нужно каждому члену клуба вставлять манометр для определения давления пивных паров. (Смех.) Но манометр—очень дорогая игрушка и вряд ли по средствам нашим клубам, а без этого, я думаю, соблюдение двух-бутылочной нормы должно доставить завклубами слишком много хлопот, которых у них и так довольно. Привлечь массу в клубы, конечно, можно и пивом, но отвлекать от пивной при помощи пива—это почти то же самое, что изгонять чорта при помощи дьявола. (Смех.) Больших культурных завоеваний это не дает и, кроме того, маскирует тот факт, что клуб сам по себе не привлекает массы, а это хуже всего. Не из соображений отвлеченного морализирования надо бороться против построения клубов на пивном фундаменте, а именно по той причине, что надо прежде всего побудить клуб привлекать массы своими собственными качествами, а не теми, которые имел в виду Толстой, когда говорил: „От ней все качества“.

6. Календарные кампании и вопросы быта.

Привлечь в клуб можно, если там есть жизнь, а жизнь есть проработка повседневного опыта в его наиболее крупных и важных проявлениях. С этой стороны можно только приветствовать решение последнего Съезда партии, которое устраняет или смягчает один из элементов казенщины в работе клубов — многочисленные календарные кампании. Вот что говорит резолюция Съезда на этот счет: „Сокращая число кампаний, сводя их к наиболее важным, необходимо неуклонно и регулярно освещать в процессе текущей работы важнейшие международные и внутренние политические события“. Действительно, заведующий одним из больших московских клубов тов. Суханов показал мне список кампаний, которые приходится проводить, и здесь поистине нельзя не сказать: мертвый хватает живого, вчерашний день мещает откликнуться на сегодняшний. Это особенно ярко можно видеть на одном примере, который я приведу, чтобы показать необходимость передвинуть клубный календарь. Большую роль в клубной жизни играет, как известно, Парижская Коммуна. Конечно, Парижская Коммуна — событие большой исторической важности, но все относительно: Парижская Коммуна до Октября была гораздо больше, чем после Октября. А ведь во времени Октября были исключительной важности события, которые мы игнорируем: в Италии в сентябре 1920 г. была своя итальянская Коммуна, которая кончилась крушением и победой фашизма. В марте 1921 г. произошло героическое восстание в Германии. На-

конец, в прошлом году в Германии было мощное революционное движение пролетариата, которое окончилось жесточайшим поражением — без боя. Мы все, старшее поколение, готовились к Октябрю в значительной степени на истории Парижской Коммуны; конечно, каждый сколько-нибудь просвещенный революционер и занимающийся молодой рабочий должен иметь представление о Парижской Коммуне. Но несравненно важнее для коммуниста сегодняшнего дня и для воспитывающегося в коммунисты молодого рабочего знать и понимать, почему потерпело поражение революционное восстание итальянского пролетариата в сентябре 1920 г., революционное восстание германского пролетариата в марте 1921 г. и, наконец, колоссальное, беспрецедентное революционное движение германского пролетариата в течение 1923 г. И если уж выбирать для клубной работы между Парижской Коммуной и прошлогодним революционным движением германского пролетариата, надо обе руки поднять за прошлый год. Почему? Потому, что это дает живую ориентировку для сегодняшних событий. Даже и молодой рабочий, если он будет иметь перед глазами вот эти вехи—Октябрьская Революция, итальянское восстание, мартовское восстание, прошлогоднее революционное движение в Германии,—то у него будет перспектива для нынешнего мирового движения, он почувствует ритм событий, он тверже, увереннее, осмысленнее будет ждать дальнейшего развития революции, будет понимать, в каких условиях она может победить или потерпеть поражение.

Но недостаточно придвинуть ближе клубный календарь. Надо идти в ногу с событиями и запросами

сегодняшнего дня. Здесь мы подходим к вопросам быта. Насколько я знаю, у вас на эту тему будет доклад тов. Плетнева. Я скажу поэтому лишь два слова, не забираясь в его область, чтобы затем с ним немножко пополемизировать в плоскости принципиальной. В области вопросов быта, товарищи, у нас есть две крайности, которые, я полагаю, будут изживаться, — это: бытовое безразличие, которое прикрывается разными соображениями, а иногда ходит неприкрытым — с одной стороны, и бытовое фантазерство — с другой. Иногда они довольно хорошо мирятся друг с другом. Бытовое безразличие, как сказано, иногда пытается теоретически обосновать себя: зачем, дескать, нам заниматься вопросами быта, ведь быт — это надстройка, а фундамент — производство; когда переменится хозяйство, все само собой переменится... Это звучит страшно по-марксистски, но это страшно невежественно. (Смех.) Все надстройки рождаются на экономическом фундаменте, и если так рассуждать, то и политикой заниматься не стоит, ибо и политика зарождается на производственном фундаменте. Но в том-то и дело, что без политики фундамент не изменится, ибо политика и есть инструмент для перемены этого фундамента. То же самое и с бытом: быт слагается на основе производства, но он имеет свойство отставать от изменений в хозяйстве, и его нужно подгонять революционным бичом, а если революция у власти, она может сделать это организованным нажимом, примером, пропагандой и проч. Конечно, мы не можем обскакать наш хозяйственный фундамент и создать какие-либо идеальные фаланстеры (общезития) на основе нашей бедности, но то, что

хозяйственные условия подготовили, должно быть сделано. В этом и состоит задача. Противоположная крайность, бытовое фантазерство, сводится к стремлению либо обогнать хозяйственные возможности, либо вообще абстрагироваться, мысленно отвернуться от них и заменить коллективно-общественную работу по перестройке быта индивидуальным морализированием, т.-е. накачиванием каждого в отдельности определенными принципами более совершенного человека, из чего обыкновенно мало выходит проку.

Я знаю три попытки создания общества друзей нового быта... По моему, даже само название не вполне годится, оно может дать ложное направление мысли; уж скромнее сказать: общество улучшения пролетарского быта, тогда название не будет так сильно отдавать созданием „пролетарской культуры“. Я знаю три попытки: одна совершенно мертворожденная попытка была сделана в Москве; было выпущено воззвание, но осталось без отклика, и правильно откликаться было не на что. (Смех.) Из Харькова я получил письмо о создании общества друзей нового быта, повидимому, от молодых товарищей, одушевленных лучшими намерениями, но, боюсь, немножко повинных в идеалистическом фантазерстве. И еще совсем на-днях я получил из Казани подобное же письмо, опять-таки от молодых товарищей. В Харькове поставлена задача насаждения коммунистической этики, эстетики и т. п. Все это как будто слишком обще, широковещательно, идеалистично. Когда я стал вчитываться в харьковскую программу, то оказалось, что под коммунистической этикой значит борьба против пьянства, неряшливости, ругательств и т. д.

Задачи самые похвальные, но вывеска коммунистической этики слишком широковещательна; ведь под эту „этику“ подойдет и культурный буржуа, который грязи не любит и вряд ли пьянствует и ругается, по крайней мере открыто. (Смех.) Наконец, в Казани молодые товарищи поставили своей задачей „научную организацию жизни“. Так и сказано: Н. О. Ж.—НОЖ. Я очень боюсь, товарищи, что такой НОЖ неопытным людям давать в руки не следует. (Смех и аплодисменты.) Этим я ни в каком случае не хочу осудить инициативу харьковских и казанских товарищей. Ни в каком случае. Но хотелось бы, чтоб эта инициатива сразу направилась по более реалистическому и деловому руслу. Еще когда мне пришлось впервые писать по этому вопросу, в моей книжке о быте, я высказал большое опасение: с одной стороны, очень заманчиво было бы, писал я, организовать общество быта, но с другой стороны—опасно, что, не обеспечив себе прочной почвы под ногами, такое общество уклонится в сторону фантазерства. Оно на то и похоже. На самом деле, революционизировать быт можно какими путями? Прямым воздействием на его составные элементы. Через Нарпит, который создает общественные столовые; через жилищную кооперацию, которая должна изменить жилищные основы быта; через организацию яслей, через клубы, через библиотеки, через добровольческие организации, которые ставят себе культурные задачи, скажем, через общество друзей кино, если мы его действительно создадим, чтобы сдвинуть кино с мертвой точки. Другими словами, мало создать организацию вокруг абстрактной идеи „нового быта“, а надо создать ряд организаций,

которые ставят перед собой определенные практические задачи в области быта. Только так его и можно революционизировать. Эти целевые, практические организации не могут мириться с фантазерством. Тут кляканием делу не поможешь. Если ты Нарпит, то питай, создавай общественные столовые, а мы подсчитаем потом, сколько у тебя посетителей, и посмотрим, как ты их удовлетворяешь. Если ты Нарпит, а Дворец имени Ленина обратится к тебе с просьбой: „устрой мне буфет“, то ты не ставь ультимативно вопрос о пиве, иначе тебе с нами посчитаться придется. То же самое относится к жилищной кооперации. У нас уже есть первые орудия для воздействия на быт, для его перестройки. Эти орудия еще слабы, их нужно усиливать, развивать, ставя их под общественный контроль и создавая рядом с ними новые целевые органы для воздействия на другие стороны быта. Наряду с этим, в целях объединения раздробленного пока еще опыта названных организаций, нам необходимо будет на этом фундаменте создать общество для улучшения быта, а может быть, и общество „нового быта“, но не в пустоте абстракции, а на фундаменте из кооперации, Нарпита, жилищного товарищества и пр., в составе руководителей, представителей и членов этих организаций. В деле проработки опыта разных „бытовых“ организаций рабочему клубу должно принадлежать важнейшее место. Клуб будет собирать в своих стенах разобщенных работников тех или иных бытовых отраслей, в пределах завода, района, или всего города, для обмена мнениями и обсуждения вставших вопросов. Здесь будет формироваться общественное мнение для контроля над

всеми общественно-бытовыми учреждениями и предприятиями. Это будет единственная, по моему мнению, реальная постановка вопроса в деле перестройки быта. На этом пути мы преодолеем и безучастие, и фантазерство.

7. Антирелигиозная пропаганда.

Остановимся еще на антирелигиозной пропаганде, как одной из важнейших задач в области быта. Я и здесь приведу цитату из резолюции XIII Съезда. Она коротка: „Значительное внимание надо уделить естественно-научной — в скобках: антирелигиозной — пропаганде“. Я не помню, давалась ли раньше такая формулировка: „естественно-научная“, а в скобках „антирелигиозная“. Если давалась, то теперь она авторитетно подтверждена. Это обозначает собой требование иного, нового подхода к той же задаче. Под действием благодетельного толчка, исходящего от вашего съезда, от самого факта его созыва, я просматривал много печатного материала, который в обычное время просматривать не приходится, в частности — сатирический журнал „Безбожник“, где есть многочисленные, иногда удачные рисунки лучших наших рисовальщиков, — журнал, который, вероятно, играет свою положительную роль в определенных, преимущественно, городских кругах, но который все-таки вряд ли идет по главной дороге борьбы с религиозными предрассудками. Там неустанно ведется дуэль с Иеговой, Христом, Аллахом, единоборство талантливого художника Моора с богом, из номера в номер. Мы с вами, конечно, целиком на стороне Моора. Но если бы мы делали только это, или если бы это было

основной работой, то я боюсь, что дуэль закончилась бы в ничью... Во всяком случае совершенно очевидно и бесспорно, что нашу антирелигиозную пропаганду в целом мы никак не можем ставить в плоскость голого богоборчества. Этого для нас мало. Мы вытесняем мистицизм материализмом, расширяя прежде всего коллективный опыт масс, повышая их активное воздействие на общество, раздвигая рамки их положительного знания, — и на этой почве наносим, где нужно, и прямые удары религиозным предрассудкам.

Вопрос о религии имеет колоссальное значение и теснейшим образом связан со всей культурной работой и социалистическим строительством. Маркс в молодости своей сказал: „Критика религии — предпосылка всякой другой критики“. В каком смысле? В том смысле, что религия есть некоторое мнимое знание о мире. Мнимость этого знания вытекает из двух источников: слабости человека перед природой и нескладицы общественных отношений. Робя или пасуя перед природой, не разбираясь в общественных отношениях или пасуя перед ними, общественный человек пытается свести концы с концами, создавая фантастические образы, наделяя их мнимой реальностью и становясь перед собственными творениями на колени. В основе этого творчества лежит практическая потребность человека в ориентировке, вытекающая, в свою очередь, из условий борьбы за существование. В религии выражаются поиски обобщенной ориентировки в окружающих условиях и в средствах борьбы за существование. В самой этой ориентировке имеются и практические, целесообразные

правила. Но скреплено все это вместе мифом, фантастикой, суеверием, мнимым знанием. Поскольку все развитие культуры есть накопление знания и умения, постольку критика религии и есть предпосылка всякой другой критики: чтобы проложить путь для правильного или реального знания, нужно устранить фиктивное знание. Это верно, однако, лишь в том случае, если брать вопрос в полном его объеме. Исторически же не только в индивидуальных случаях, но и в развитии целых классов реальное знание в разных формах и пропорциях сочетается с религиозными предрассудками. Борьба с данной религией или с религией вообще и со всеми видами мифологии и суеверия бывает успешной тогда, когда религиозная идеология приходит в противоречие с потребностями данного класса в новой общественной ориентировке. Другими словами, если накопленные знания и потребность в знаниях не умещаются в рамках мнимых истин религии и разрывают их, тогда достаточно бывает иногда одного удара критическим ножом, и шелуха религиозности спадает.

Успешность антирелигиозного натиска, который был нами сделан за последние годы, объясняется именно тем, что передовые слои трудящихся, прошедшие школу революции, т.-е. активного отношения к государству и общественным формам, легко стряхивали с себя шелуху религиозных предрассудков, вконец подорванных предшествующим развитием. Но положение значительно меняется, когда антирелигиозная пропаганда распространяет свое действие на менее активные слои не только деревни, но и города. Те реальные знания, какие ими приобретены, на-

столько ограничены и частичны, что им не тесно рядом с религиозными предрассудками. Голая критика этих предрассудков, не находя необходимых точек опоры в личном или коллективном опыте, не дает результата. Тогда необходимо бывает подойти с другого конца: расширить сферу общественного опыта и реального знания. Пути к этому очень различны. Общественные столовые и ясли могут дать революционный толчок сознанию женщины-хозяйки и чрезвычайно ускорить процесс ее отрыва от религии. Авиационно-химические способы истребления саранчи могут сыграть такую же роль в отношении крестьянина. Самый факт участия в жизни клуба, выводящий рабочего и работницу из тесных клеток семейной квартирki с иконой и лампадкой, есть также один из путей к освобождению от религиозных предрассудков. И так далее, и так далее. Клуб может и должен измерять силу сопротивления религиозных предрассудков и находить обходные пути в смысле расширения опыта и знаний. Таким образом, и в антирелигиозной борьбе периоды открытой лобовой атаки сменяются периодами блокады, сапы, обходных движений. В общем и целом, мы именно в такой период сейчас и вошли, но это не значит, что мы в дальнейшем еще не перейдем снова к атаке развернутым фронтом. Нужно только подготовить ее.

Наша атака на религию была законна или незаконна? Законна. Дала она результаты? Дала. Кого она к нам привела? Да тех, кто предварительным опытом был подготовлен, чтобы освободиться окончательно от религиозных предрассудков. А дальше? Дальше остаются те, которых даже величайший опыт Октября

не настолько потряс, чтобы освободить их от религии. И тут формальным методом антирелигиозной критики, сатиры, карикатуры и пр. достигнуть можно малого. А если слишком нажимать, то можно получить и обратный результат. Тут нужно снова сверлить скалу, — правда, не бог весть скала какая крепкая! — закладывать динамитные патроны, протягивать бикфордов шнур... Через некоторое время последует новый взрыв и новый обвал, т.-е. новый народный пласт будет оторван от косной глыбы... Резолюция Съезда и говорит нам о том, что мы сейчас в этой области должны от взрыва и атаки перейти к более длительной работе расшатки, прежде всего путем естественно-научной пропаганды.

Чтобы показать, как неподготовленная лобовая атака на религиозные предрассудки может иногда дать совершенно неожиданные результаты, я приведу один в высшей степени интересный пример, совершенно свежий, который я знаю из уст отдельных товарищей, так как, к сожалению, в печати этот пример не был еще освещен. Дело идет о норвежской коммунистической партии. Как вы, вероятно, помните, в прошлом году эта партия раскололась на оппортунистическое большинство, под руководством Транмеля, и революционное меньшинство, верное Коминтерну. Я спрашивал товарища, жившего в Норвегии, каким образом Транмелю удалось увести за собой большинство, — разумеется, временно. Он мне указал, в качестве одной из причин, на религиозность норвежских рабочих-рыбаков. Рыбный промысел, как вы знаете, имеет очень низкую технику и целиком зависит от стихии, — это и есть база для предрассудков,

для суеверий, и религия для норвежских рыбаков, как остроумно выразился товарищ, рассказавший мне весь этот эпизод, есть нечто вроде прозодежды. Там же, в Скандинавии, были интеллигенты, академики, которые кокетничали с религией. Их огрели, как и следовало, беспощадным хлыстом марксизма. Вот этим и воспользовались умело норвежские оппортунисты для того, чтобы противопоставить рыбаков Коминтерну. Революционно настроенный, глубоко сочувствующий Советской Республике, всей душой стоящий за Коминтерн рыбак сказал себе: выходит так — либо за Коминтерн, и тогда без бога и без рыбы (смех), либо, скрепя сердце, отделиться. И он отделился... Вот каким острым углом религия врезывается иногда даже и в пролетарскую политику.

Разумеется, это относится в еще большей степени к нашему крестьянству, бытовая религиозность которого связана целиком с условиями его отсталого хозяйства. Полностью мы победим религиозно-бытовые предрассудки крестьянства только через электрификацию и химизацию сельского хозяйства. Это не значит, разумеется, что мы не должны пользоваться каждым отдельным техническим улучшением и вообще каждым благоприятным общественным моментом для антирелигиозной пропаганды, для достижения частичных обвалов религиозного сознания, — нет, все это для нас попрежнему обязательно, — но общую перспективу нужно охватывать правильно. Простым закрытием церквей, как действовали в некоторых местах, и прочими административными излишествами тут не только решающего успеха не достигнешь, но, наоборот, подготовишь усиленный рецидив религиозности.. Если верно, что

религиозная критика есть предпосылка всякой другой критики, то не менее верно для нашей эпохи, что электрификация земледелия есть предпосылка ликвидации крестьянских суеверий. По поводу возможного значения электрификации земледелия я приведу замечательные слова Энгельса, которые до недавнего времени оставались неизвестными. Недавно т. Рязанов выпустил впервые переписку Энгельса с Бернштейном и Каутским, — письма исключительно интересные. Старый Энгельс представляется вдвойне обаятельным по мере того, как открываются новые и новые материалы, которые ближе характеризуют его и с идейной, и с интимной стороны. Я хочу сейчас привести цитату, касающуюся непосредственно вопроса об электрификации и устранении пропасти между городом и деревней. Письмо было написано Энгельсом к Бернштейну в 1883 году. А нужно сказать, что только в 1882 году французский инженер Депре открыл способ передачи электрической энергии по проволоке на расстояние. И если я не ошибаюсь, на мюнхенской (во всяком случае, немецкой) выставке он демонстрировал передачу по простой телеграфной проволоке на 50, примерно, километров электрической энергии в одну—две лошадиных силы. На Энгельса, который был страшно чуток ко всяким завоеваниям в области естественных наук, техники и проч., это произвело колоссальнейшее впечатление, и он написал Бернштейну: „Новейшее открытие Депре... окончательно освобождает промышленность почти от всех местных границ, делает возможным употребление даже самых отдаленных водяных сил. И если даже вначале этим воспользуются только города, в конце концов оно должно стать самым

могущественными рычагом для уничтожения антагонизма между городом и деревней". Владимир Ильич не знал этих строк, вся эта переписка появилась лишь недавно, она хранилась в Германии под спудом у Бернштейна, пока т. Рязанов не извлек ее. Не знаю, все ли товарищи знают, с каким не только напряженным вниманием, но и с какой напряженной любовью Ленин находил у стариков-учителей, Маркса и Энгельса, новые и новые доказательства их проницательности, универсальности их мысли, умения далеко заглянуть вперед. Не сомневаюсь, что эта цитата, где на второй день после того, как был продемонстрирован — в сущности в лабораторном масштабе — способ передачи электрической энергии на расстояние, Энгельс через голову промышленности глядит уже на деревню и говорит, что новое изобретение есть могущественный рычаг для уничтожения антагонизма между городом и деревней, — не сомневаюсь, что Ленин ввел бы эту цитату в обиход нашей партийной мысли. Когда читаешь эти слова Энгельса, то кажется, что старый Фридрих со дна океана (он был сожжен, и прах его утоплен, по его завещанию) как бы переключается с Ильичом на Красной площади...

Товарищи! Процесс ликвидации религии диалектичен. В нем есть периоды разного темпа, определяемые общими условиями развития. Клубы должны быть наблюдательными пунктами. Они должны постоянно помогать партии найти в этом вопросе надлежащую ориентировку, учесть момент, взять правильный темп.

Полная ликвидация религии будет достигнута только при развернутом социалистическом строе, т.-е. при

такой технике, которая освобождает человека от уни-
зительных форм зависимости от природы, и при таких
общественных отношениях, которые лишены загадоч-
ности, которые прозрачны насквозь и которые не да-
вят человека. Религия переводит на язык фантасти-
ческих образов хаос природы и хаос общественных
отношений. Только ликвидация земного хаоса может
покончить навсегда с его религиозным отражением.
Сознательное, разумное, плановое руководство всеми
сторонами общественной жизни уничтожит навсегда
всякую мистику и чертовщину.

8. Культурная работа и „пролетарская культура“.

Товарищи! Основное, что я себе наметил сказать
о клубах, я сказал. Я хочу только эту работу включить
в известную перспективу, и перспектива эта, мне ка-
жется, может быть правильнее всего дана, если мы
критически подойдем к вопросу о клубе, как о „куз-
нице пролетарской классовой культуры“. Я беру фор-
мулу тов. Плетнева. Если я хочу с ним полемизировать,
то не потому, что не ценю его культурной работы,
которой, наоборот, придаю, как и все вы, большое
значение, но думаю, что есть момент в его теорети-
ческой установке в этом вопросе, который представляет
известные опасности. В своей брошюре о клубной
работе—издание 1923 г.—Плетнев говорит: „Сам клуб,
как таковой, должен стать для всех его членов кузни-
цей, в которой выковывается пролетарская классовая
культура. Необходимо со всей остротой подчеркнуть,
что строительство пролетарской культуры есть процесс
классовой борьбы, очередной бой (бой!) пролетариата

против буржуазного господства". В статье этого года та же формула повторяется, но с очень интересным смягчением: „Клуб — центр подготовки пролетарской общественности, где пролетариат выковывает элементы пролетарской классовой культуры". Там было сказано: „пролетарскую классовую культуру", а здесь: „элементы пролетарской классовой культуры", то есть чуть-чуть осторожнее. Товарищи, отнюдь не из доктринерства и из придирчивости, а из соображений принципиального и тем самым практического характера я должен указать на то, что это неправильная постановка вопроса. В статье, которую я цитирую, т. Плетнев спорит с одним из профсоюзных работников (статьи этого последнего я не читал) и дает общую характеристику работы клуба, по-моему, вполне правильно, но заканчивает теоретической формулировкой, которая наполовину ликвидирует позицию статьи. Как это в самом деле клуб будет выковывать пролетарскую классовую культуру? Что это значит? Тов. Ленин писал в одной из своих последних статей, „Страничка из дневника", о пролетарской культуре. Эти строки цитировались много раз и цитировались часто для того, чтобы за цитатой скрыть мысли прямо противоположного характера,—прием, который встречается нередко. Вот что говорит тов. Ленин: „В то время, как мы болтали о пролетарской культуре и о соотношении ее с буржуазной культурой", обнаружилось, что мы культурные неучи в школьном деле и т. д. „Это показывает, сколько еще настоящей черновой работы предстоит нам сделать, чтобы достигнуть уровня обыкновенного цивилизованного государства Западной Европы". Здесь по-ленински подчеркнуто „обыкновен-

ного цивилизованного“, т.-е. буржуазного, государства. Вот, мол, какого уровня нужно прежде всего достигнуть! В статье о кооперации Ленин говорит: „Центр тяжести... переносится на мирную организационную „культурную“ работу“. И далее: „Если оставить в стороне (вопросы международной политики и революции) и ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству“. А тов. Плетнев культуртрегерство (то-есть культурничество) всегда употребляет с оттенком презрения и противопоставляет культурничеству „выковывание пролетарской культуры“. Что же понимать под пролетарской культурой? Каким образом клуб может стать кузницей пролетарской культуры? Каким образом клуб, эта очень важная живая частица, но все же лишь частица нашей общественной ткани, частица, которая сама по себе не может, конечно, дать чего-то такого, что качественно отличалось бы от того, что дается всей общественной тканью,—каким образом клуб может быть кузницей пролетарской классовой культуры? Вопрос, который требует прежде всего ответа. Что понимать под пролетарской классовой культурой? Мы строим всеми средствами, в том числе и через клубы, социалистическое хозяйство, социалистическое общество и, следовательно, социалистическую бесклассовую культуру. До завершения этого остается еще длительный переходный период, который тоже будет иметь свою культуру, пока еще очень нескладную, очень противоречивую. Я хочу вас понять так, что эту именно культуру переходного периода вы хотите называть пролетарской культурой. Разумеется, термин

можно употреблять по-разному, и из-за слов мы не будем драться. Но нужно ясно условиться относительно содержания термина для того, чтобы без путаницы подойти к существу вопроса. Я возьму для сравнения другой, параллельный термин. Мы идем к социалистическому хозяйству через переходную эпоху. Как называется хозяйство этой переходной эпохи? Мы называем его нэп. Есть ли это научный термин? Ни в малейшей степени. Это условное обозначение за отсутствием более подходящего. Владимир Ильич нередко называл переходный режим государственным капитализмом, причем каждый раз прибавлял: „в кавычках“, или: государственный капитализм совсем-совсем особого рода, — чего многие не понимают, говоря прямо: государственный капитализм, и даже называя государственные тресты и синдикаты органами государственного капитализма, что, конечно, грубо неправильно, как разъяснил Владимир Ильич в статье о кооперации. Итак, Лениным предложено очень условное название (в кавычках!) „государственного капитализма“ для переходного строя к социализму. Если угодно, давайте назовем этот переходный хозяйственный период периодом „выковывания пролетарского хозяйства“. Мне это не нравится, ибо не выражает сути дела (вся суть именно в переходности), но если будут уговаривать и скажут: возьмем в кавычки, да еще двойные, — то я почти готов сказать: ну, что ж, ничего не поделаешь, если это может доставить удовольствие тов. Плетневу. (Плетнев с места: „Никакого“. Смех.) Тем лучше. Но ведь здесь же полный параллелизм: под пролетарской культурой, если брать это слово всерьез, должен быть базис в виде

пролетарского хозяйства, — тем более, что культура от базиса малость отстаёт. И если вы отказываетесь (и вполне основательно!) назвать наше переходное хозяйство „пролетарским классовым хозяйством“, то вы тем самым уже изрядно подкапываете почву под абстракцией пролетарской культуры. Чем характеризуется наше хозяйство? В книжке о продналоге Ленин разъяснил, что в нашем переходном хозяйстве имеются значительные остатки патриархальщины, бесчисленные элементы мелко-товарного хозяйства, есть частно-капиталистические элементы, есть государственно-капиталистические элементы и есть, наконец, элементы социалистического хозяйства. Все вместе составляет хозяйство переходного периода, которое можно назвать „государственным капитализмом“ (в кавычках!) или, как некоторые предлагали, — товарно-социалистическим хозяйством. Насчет термина можно условиться, но понятие нужно охватить целиком. А культура переходного периода из чего состоит? Из остатков, еще очень властных, культуры дворянского периода, — и не все в ней негоже: Пушкина, Толстого мы не выкинем, они нам нужны, — из элементов буржуазной культуры, прежде всего, буржуазной техники, которые нам еще нужнее... мы пока еще живем на буржуазной технике и в значительной степени на буржуазных спецах, мы еще своих заводов пока не построили и работаем на тех, которые получили из рук буржуазии. Культура переходного периода состоит, далее, из подавляющей мелко-буржуазной, то-есть прежде всего крестьянской, некультурности. Она состоит из наших партийных и государственных усилий поднять культуру пролетариата, а за ним и крестьянства, — хотя бы до уровня

„обыкновенного цивилизованного государства“. Она состоит из нашего социалистического строительства и, наконец, из нашего коммунистического идеала, который направляет наше строительство. Вот какие противоречиво-сложные элементы имеются в культуре (и бескультурности) переходного периода. Как же клуб может строить классовую пролетарскую культуру? Это мне абсолютно непонятно! Что клуб, объединяя и сочетая разрозненный опыт рабочих, помогая им свой опыт перевести на язык политики, литературы, искусства, тем самым повышает культурный уровень известных слоев пролетариата и облегчает им социалистическое строительство — это бесспорно; но каким образом клуб, как таковой, может выковывать классовую пролетарскую культуру?! Это, действительно, сильно отдаёт лабораторной точкой зрения на культуру. Разумеется, можно отобрать десятки способных молодых рабочих и лабораторным путем учить их стихосложению, живописи, театральному делу. Полезно это? В высшей степени. Но надо, чтобы они реалистически представляли себе свое место и свою роль в общем хозяйственно-культурном развитии страны. А ставить перед ними перспективы создания клубным путем пролетарской классовой культуры — значит толкать их на путь, который может привести их к тому, что они окажутся спиной к массе, т.-е. к реальному процессу творчества социалистической культуры, и попытаются противопоставить этому процессу свою „чистую“ кружковую работу, как пытались уже в прошлом. Такие рецидивы возможны. Но ясно, что строить некую пролетарскую культуру по лабораторным методам Богданова — это не имеет ничего общего с ленинизмом.

Правда, выражение „пролетарская культура“ иногда употреблял и Ленин, но замечательно, что он употреблял иногда это выражение в 1919, в 1920 г., а позже, насколько могу припомнить, перестал, именно потому, что опасался хотя бы косвенно, то-есть недостаточно определенным термином, дать поддержку ложной точке зрения. Но в каком смысле упоминал Ленин о „пролетарской культуре“? В речи его на III съезде молодежи в 1920 г. говорится: „Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества“, — заметьте: планомерное развитие, а ни в коем случае не „бой“ и не клубное „выковывание“, — развитие в хозяйстве, в школе, в государстве, во всей работе, во всем нашем строительстве. Таким образом, Ленин употреблял термин „пролетарская культура“ только для того, чтобы бороться против его идеалистического, лабораторного, схематического, богдановского истолкования. То, что нам в первую голову нужно, — это грамотность: грамотность простая, грамотность политическая, грамотность бытовая, грамотность гигиеническая, грамотность литературная, грамотность в области развлечений... Из грамотностей во всех этих областях складывается грамотность культурная. Скажут, пожалуй, что это внеклассовое как будто бы понятие. Ничего подобного! Пролетариат, он-то у нас правящий класс, — а дело идет именно о нем, — из сокровищ культуры, накопленных другими классами, именно он берет наиболее важное, неотложное, элементарное. Сейчас он должен усвоить себе элементарнейшую часть куль-

туры: поголовную грамотность, четыре правила арифметики. Да если бы вся страна была у нас грамотна и знала четыре правила арифметики, то мы оказались бы уж почти в социализме, ибо социализм, как мы слышали, есть не что иное, как общество культурных, то-есть прежде всего грамотных, кооператоров. Пролетариат у власти, он—хозяин государства, о нем мы говорим, о повышении его культуры, здесь основной классовый критерий дан не только субъективно, но и объективно. Но нельзя брать клуб и говорить ему: „Строй пролетарскую классовую культуру“, потому что тогда он замкнется, повернувшись спиной к пролетариату. Нет, мы говорим: клуб, повышай культурно-гражданский уровень безграмотного, малограмотного и полуграмотного рабочего и этим самым подготавливай социалистическую культуру. (Аплодисменты.) Вот правильная постановка вопроса. И вот почему слова „культурничество“ Ленин не боялся. Конечно, мы издевательски употребляли это слово до завоевания власти, потому что „культурники“ не понимали главной предпосылки для культурной работы широкого исторического масштаба, — необходимости низвержения буржуазии и завоевания власти пролетариатом. Но когда власть завоевана, тогда культурничество является важнейшим содержанием работы построения социализма. Издеваться теперь над этим словом нельзя. Сейчас слово культурничество для нас, для революционеров, для коммунистов Советской Республики, совершенно потеряло тот крохоборческий оттенок, который имело раньше. На основе национализации промышленности, под диктатурой пролетариата, в стране, огражденной монополией внешней торговли и защищенной Красной Армией,

основная задача строительства социализма равносильна тому, чтобы заполнять шаг за шагом новую форму культурным содержанием. Работа культурническая есть для нас основная революционная работа.

Но само собой разумеется, что мы не можем замыкаться в рамках советского государства, огражденного Красной Армией. Во весь рост еще стоит перед нами вопрос мировой революции. Есть нации, государства, — и их большинство, — где основной вопрос состоит не в культурничестве, а в завоевании власти. И поэтому в цитированной мною статье Ленина говорится, что наша работа на $\frac{9}{10}$ сведется к культурничеству, если отвлечемся от вопросов международной политики и революции. Но отвлечься от этих вопросов можно логически, в целях выяснения вопроса, а политически отвлечься нельзя. Вот почему наша культурная и культурническая работа в клубах и через клубы должна теснейшим образом примыкать к международной революционной работе. От всех шкивов мелких частных вопросов должны идти приводные ремни к маховому колесу мировой революции. Именно поэтому я указывал на такие вопросы, как события в Италии и Германии: это вехи революционного развития, необходимые для того, чтобы дать правильную ориентировку каждому рабочему в международной обстановке.

От мельчайших задач цеха и мастерской и до основных задач мировой революции, — все должно пройти через клуб. А для этого необходимо укрепить клуб, улучшить клуб, повысить квалификацию руководителей клуба, улучшить всемерно материальное положение клубов и клубных работников. Если Ленин

писал о том, что мы должны поставить учителя на такую высоту, на которой он нигде в мире не стоит, то это, разумеется, полностью и целиком относится и к клубному работнику. Нам, может быть, следовало бы сделать уже в ближайшее время опыт постановки во главе нескольких клубов работников первоклассного масштаба — для опыта, чтобы посмотреть, что можно сделать с нашими ресурсами, с нашим человеческим материалом, при инициативе, при широком кругозоре. Если клуб и не является кузницей, где выковывается классовая пролетарская культура, то он есть одно из ценнейших звеньев всей нашей системы воздействия на трудящиеся массы и построения новой, социалистической культуры. Поскольку мы привлекаем все более широкие массы к общественной активности, клуб должен подвести их к ленинизму не как к грозной истине, являющейся сверху и требующей — „стань передо мной на колени“, а как к обобщению их собственного опыта, разрозненного, раздробленного, через клуб собранного, партией политически обобщенного, государством властно закрепленного. И если мы научимся через клуб учить каждого рабочего и работницу из основ этого мира извлекать основы нового мира, то мы не только сделаем их способными понимать этот мир, но научим их перестроить его, сделать его более широким, просторным и счастливым. (Шумные аплодисменты).

ЕЩЕ О РАБОЧИХ КЛУБАХ.

І. О посещаемости.

В своей статье о клубах т. Шульц жалуется на то, что я преуменьшаю посещаемость клубов, и выражается так: „Тов. Троцкий в этом вопросе сильно перегнул палку“. Читатель может подумать, что я веду свою собственную статистику клубной посещаемости, или что я прибег к каким-либо приблизительным цифрам на глаз. На самом деле я воспользовался статистикой Главполитпросвета, его клубной секции, в руках которой эти цифры и должны были бы по всем правилам сосредоточиваться. Совершенно точную ссылку на данные Главполитпросвета я сделал в своем докладе. Вот почему речь о перегибании палки тут совсем не к месту.

Но еще до статьи тов. Шульца я получил от тов. Сеньюшкина, заведующего, как известно, культотделом ВЦСПС, письмо, в котором он подчеркивает то обстоятельство, что именно наиболее крупные рабочие клубы не отчитываются перед органами Главполитпросвета, вследствие чего посещаемость их не попадает в общую сводку. Сам тов. Сеньюшкин пользуется статистическим исследованием, которое клубная секция ВЦСПС произвела в марте 1923 г., и на основе данных этого единовременного исследования прихо-

дит к выводу, что число посещений по всем клубам составляет не 12 миллионов, как выходит по данным Главполитпросвета, а $42\frac{1}{2}$ млн. в год.

Противоречивость и неполнота этих данных заставили меня обратиться в агитпроп Центрального Комитета нашей партии. Я получил за подписью тов. Сырцова очень интересную справку, которую, мне кажется, следовало бы просто напечатать целиком, так как она дает, насколько можно судить, достаточно правильное представление об общем состоянии клубной работы и ее статистического учета. Из справки тов. Сырцова вытекает, что если данные Главполитпросвета преуменьшены, то данные ВЦСПС преувеличены. Агитпроп Центрального Комитета считает, что за год на все клубы приходится, примерно, 20—25 миллионов посещений, что составляет в среднем на один клуб в день около 25 посещений.

Само собою разумеется, что средняя цифра, какова бы она ни была на деле, предполагает существование крайних цифр в ту и другую сторону. Из даваемой тов. Шульцем картины явствует, что сормовский клуб является одним из наиболее оживленных и посещаемых. Но даже если принять самую оптимистическую, отвергаемую агитпропом ЦК, цифру ВЦСПС, то общая посещаемость все же останется еще крайне недостаточной. Это признает, разумеется, и сам тов. Сениюшкин. „Конечно, и при указанных цифрах,— пишет он мне,— клубы все же обслуживают только 15—20 проц. всех рабочих и членов их семей, и вполне правы, что необходимо сделать гигантские усилия развертывания клубной работы и вовлечения рабочих в клуб, который должен стать действительным

центром коммунистического воспитания широчайших рабочих масс на основе самодеятельности самих этих масс“.

Поскольку речь зашла выше о „пессимистической“ и „оптимистической“ статистике, нелишне будет привести здесь одну цифру, которую я наметил в докладе гадательно: это число таких членов клуба, которые посещают его раза 2—3 в неделю, т.-е. которые тесно связаны с клубом. Но тут моя предположительная цифра оказалась не „пессимистической“, как выражается тов. Шульц, а, наоборот, „оптимистической“. Я предположил, что 300—400 тыс. человек тесно связаны с клубом. По данным статистического обследования ВЦСПС, число членов профсоюзов, прочно захваченных клубной и кружковой работой, составляет лишь 165 тысяч человек!

Кстати: тов. Шульц так-таки и не дал нам цифры посещаемости сормовского клуба хотя бы приближительной. Тов. Шульц, как мы сейчас увидим, вообще предпочитает общие соображения цифрам и фактам.

II. О пиве.

Гораздо менее содержательны рассуждения тов. Шульца о пиве и его месте в культурной работе. Было бы очень поучительно, если бы тов. Шульц дал нам кое-какие фактические данные насчет роли пива в жизни сормовского клуба. Например: какой процент посетителей приходится на буфет? сколько выпивается бутылок пива в день или в неделю? пьют ли приблизительно одни и те же лица, или же все понемножку? Вот это было бы действительно деловым подходом

к „наболевшему вопросу“, как называет сам тов. Шульц вопрос о пиве в клубах. Но вместо этого тов. Шульц переносит вопрос о пиве в принципиальные высоты и здесь безнадежно запутывается. Тех работников, в том числе и тех клубных работников — а их очень много! — которые считают нецелесообразным и вредным введение пива в клубный обиход, тов. Шульц обвиняет в „морализировании“ и в „бюрократическом нажиме“. При чем здесь морализирование? Что тов. Шульц понимает под бюрократическим нажимом? Сам Шульц считает, что в тех рабочих районах, где еще нет частных пивных, клубы не должны и у себя вводить пиво. Почему? Уж не по моралистическим ли соображениям или не под давлением ли бюрократического нажима? Соображения тов. Шульца, что клубы должны равняться по окружающим пивным, кажутся мне не очень убедительными. Но во всяком случае тов. Шульц считает, что клуб и клубные работники имеют право решать, вводить ли пиво или не вводить, и что в этом нет никакого морализирования и бюрократического нажима. Клуб и за вычетом пива имеет кое-какие задачи.

Если „товарищеская беседа за стаканом пива“, как это рисует тов. Шульц, представляет один из столь полезных методов клубной работы, то совершенно непонятно, почему нам проявлять в этом вопросе „хвостизм“ и ждать предварительного появления пивных для того, чтобы затем за ними следовать? Не лучше ли предупредить появление частных пивных заблаговременным введением пива в клубный обиход и вырвать, таким образом, самую почву из-под частных пивных? Но тут почему-то тов. Шульц останавливается в не-

решительности. Странное „морализирование“! В клубах запрещено отпускать более двух бутылок на одного потребителя. Вот это правило гораздо более похоже одновременно и на „морализирование“, и на „бюрократический нажим“. Кажалось бы, клуб имеет право торговать или не торговать пивом. Тут еще нажима нет. Но раз уж клуб отпускает пиво, то как бы потребитель не ответил тов. Шульцу: „Ты меня не морализируй и на меня не нажимай, ограничивая меня двумя бутылками; ты мне давай столько, сколько я могу вместить“. Интересно, кстати сказать, было бы услышать, соблюдается ли правило о двух бутылках в Сормове? не бывает ли нарушения этого правила? как часто? ограничивается ли дело „товарищескими беседами за стаканом пива“? не принимает ли оно характера пьянства? как относятся к этому непьющие рабочие и в частности молодежь? как относятся жены рабочих? производились ли на этот счет какие-либо беседы, опросы, анкеты, с привлечением женщин-работниц и жен рабочих?

Тов. Шульц разъясняет нам, что алкоголизм нельзя лечить при помощи правоучений. Это совершенно правильно. Но, во-первых, нигде не сказано, что клуб служит в первую голову для алкоголиков. Если клуб захватывает теперь в лучшем случае 15—20 проц. рабочего населения (а эту цифру агитпроп ЦК считает крайне преувеличенной), то, право же, можно примириться с тем, что алкоголики и вообще люди, не могущие в течение вечера обойтись без пива, останутся пока что за порогом клуба. Все данные говорят за то, что основным и наиболее устойчивым ядром клубных посетителей является рабочая моло-

дежь. Но именно в ее среде алкоголики составляют исключение. Очень многие клубные работники жалуются на то, что клубы продажей пива не столько отучают алкоголиков от алкоголя, сколько приучают молодых рабочих к алкоголю. Верно ли это? Каковы на этот счет наблюдения в сормовском клубе? Имеются ли по этому вопросу какие-либо данные? Проверены ли они? К сожалению, вместо ответов на эти основные вопросы тов. Шульц предпочитает уноситься в высь. „Клуб,—видите ли,—не храм, а мастерская“. Правильно, что и говорить! Но я в первый раз слышу, чтобы в мастерской торговали пивом, а в храме это, говорят, бывает. „Но разве мы не изгоняли белых генералов при помощи военспецов? Разве нэп не есть изгнание чорта при помощи дьявола?“ и пр. Бывает, всяко бывает... Но если стать на этот путь, то почему же не пойти дальше? Почему не изгонять религию при помощи религии? Почему не завести в клубе богослужение в коммунистическом духе? „Ну, это уж чересчур!“—воскликнет, пожалуй, тов. Шульц. Совершенно правильно. Но многие клубные работники делают то же самое восклицание по поводу пивной диалектики тов. Шульца.

А было бы недурно эту диалектику, весьма похожую на софистику, иллюстрировать маленьким подсчетом на тему о том, какое место занимает доход от пива в общем бюджете сормовского клуба. Хорошо было бы осветить и еще один вопрос.

Мы видели выше, что лишь 165 тысяч членов профсоюзов захвачены органически клубом и связывают с ним значительную часть своей жизни. Это ничтожный процент. Но это, несомненно, очень активная

часть рабочего класса, притом в значительной мере— рабочая молодежь. Не выйдет ли так, что именно их, этих 150—200 тысяч человек, проводящих в клубе несколько часов, мы будем через клубный буфет систематически приучать к пиву—в погоне за привлечением „алкоголиков“?

Основной вопрос всей нашей хозяйственной и культурной жизни,—это поднятие производительности труда. Без этого предварительного условия Советский Союз лишен будет возможности поднимать заработную плату рабочих. А между тем материальные и обще-культурные потребности рабочих непрерывно растут. Это—главная трудность переживаемого момента и главный практический вопрос. Рабочий с трудом может выписывать газету, почти не может купить книгу, особенно, разумеется, семейный рабочий. В этих условиях бутылка пива выступает как прямой конкурент книги и газеты. Борьба с алкоголизмом должна будет принять более систематический и широкий характер. В этой борьбе мы будем иметь за себя и молодежь, и семью рабочего. Важнейшим центром этой борьбы должен стать клуб. Но для того, чтобы клуб мог благотворно и успешно вести эту борьбу, он сам не должен быть заинтересован в алкогольном доходе. Вот где, на мой взгляд, гвоздь вопроса. Клуб, который живет в большей или меньшей степени доходами с пива, не будет бороться против алкоголизма. Руководители таких клубов будут испытывать потребность выступать „адвокатами дьявола“, как говорили в средние века. Вот в чем опасность, вот где угроза. И если бы тов. Шульц осветил нам эту сторону вопроса не софизмами, которые он выдает за

диалектику, а цифрами, фактами, данными опыта и наблюдения, — то это придвинуло бы нас гораздо ближе к разрешению частного вопроса о месте и значении пива в клубе. Общий же грозный вопрос об алкоголизме продолжает стоять перед нами. Нам еще только предстоит поставить его во всем объеме и дать на него ответ.

„Правда“ № 193,
27 августа 1924 г.

Искренне Р. И. Демин

8. 50к

Ц. 75 н.

